
Пока горят фонари • Книга 2
СВЕТ В НАШИХ ОКНАХ
МАРТА РОВЕНСКАЯ

Марта Ровенская

Свет в наших окнах

«Автор»
2026

Ровенская М.

Свет в наших окнах / М. Ровенская — «Автор», 2026

Эйра Вейл умеет собирать лампы, которые делают тёмные улицы безопаснее. Но хорошая работа ещё не гарантирует будущего её мастерской: световой шпат дорожает, поставки срываются, а торговый дом предлагает помощь в обмен на три года зависимости.Чтобы сохранить своё дело, Эйра отправляется к горным выработкам и обнаруживает, что за нехваткой материала скрывается чужой расчёт. Рядом с ней — Дарен Арвент, ветеран, которому предстоит выбрать новую работу и научиться жить с памятью о войне.Они уже любят друг друга. Теперь им нужно понять, как строить общий дом, не решая друг за друга, и защитить свет, за который отвечают перед людьми.

© Ровенская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место у окна 5
Глава 2. Восемь мешков 10
Глава 3. Чужая подпись 14
Глава 4. Печь для двоих 19
Глава 5. Вечер, который мы оставили себе 23
Глава 6. Письмо с горной дороги 28
Глава 7. Цена вечернего света 33
Глава 8. Два фонаря 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Марта Ровенская
Свет в наших окнах

Глава 1. Место у окна

Тесса переставила мой ящик с зажимами на нижнюю полку и заняла освободившийся угол двумя лампами. Я остановилась посреди мастерской, придерживая локтем корзину, и несколько мгновений смотрела на них, прежде чем вспомнила: место у окна я сама отдала ей ещё в конце зимы.

Лампы были небольшие, с плоскими основаниями и широкими молочными стёклами. Одну Тесса делала для швеи, другую — для её сестры, которая переписывала счета у себя дома и жаловалась, что к вечеру строки расплываются. Над каждым прибором висел отдельный листок с именем заказчицы. Мои зажимы поместились внизу без всякого неудобства. Нужно было только наклониться.

— Я не трогала коробку с мерными кольцами, — сказала Тесса. — Она за вашей корзиной.

— Вижу.

Я поставила покупки на свободный стул. В корзине лежали хлеб, пучок лука и маленький свёрток сушёных яблок, который утром собиралась отнести домой. Теперь придётся снова нести его мимо дома вечером. В открытую дверь потянуло сыростью: во дворе счищали последнюю наледь с желоба, и капли ударяли по железному ведру. Я привыкла входить в мастерскую первой. Сегодня Тесса пришла раньше меня, успела растопить печь и разложить работу так, как было удобно ей.

На ней был новый фартук с узким карманом для карандаша. Старый, прожжённый у подола, висел на гвозде возле двери. Я заметила чистые тесёмки, гладко убранные волосы и только потом — розоватое пятно под глазом.

— Стекло?

Она коснулась щеки.

— Край оправы. Наклонилась неудачно. Само стекло целое.

Я хотела сказать, чтобы в следующий раз не держала оправу на весу, но увидела деревянную подставку. Тесса уже закрепила в ней второй прибор. Возле первого лежала полоска плотной кожи, которую она подкладывала под ладонь.

— Покажешь, когда закончишь?

— После полудня. До этого мне надо посмотреть, как они берут рассеянный свет.

Я кивнула и прошла к своему верстаку. На его краю лежали три письма, отложенные с вечера, записка от Ремиса и список ремонта. В списке не было ни одной работы, которую можно было бы закончить за те несколько минут, пока греется вода. Я всё равно взяла со стены инструменты и потянула к себе настенную лампу с разбитым креплением. Её принесли вчера из дома на старой дороге. Хозяйка просила вернуть к пятнице: у неё гостила сестра с маленьким ребёнком, а в комнате оставалась только коптящая масляная плошка.

Старый винт не поддавался. Я капнула на него масла, прикрыла ветошью и села разбирать письма. За окном уже не серело сплошное зимнее небо; между облаками открывались участки бледной синевы, и короны Тессиных ламп понемногу набирали свет. На стекле одной проступала едва заметная зеленоватая полоса. Я прищурилась, но не подошла. Тесса стояла рядом с прибором и сама поворачивала проверочное кольцо.

В письме из Эрлена сообщали, что речной рынок решили расширить. Зимние промеры они сделали по моей просьбе, прислали ширину прохода и план старых опор. Одна из опор

принадлежала не городу, а владельцам хлебных рядов, и согласия от них пока не было. Торговый представитель аккуратно обвёл спорное место. Ниже стояло: «Будем признательны, если осмотр состоится до открытия большого торга».

До торга оставалось больше месяца. Дорога занимала девять дней, если не задерживаться на переправах. Я провела пальцем по краю плана и попыталась представить наш верстак без меня на три недели. Тесса тихо постучала ногтем по стеклу, выслушивая посадку. Раньше я могла бы назвать всё, что в такой поездке пойдёт не так, ещё до завтрака. Теперь большая часть этих опасений уже имела чьё-нибудь имя и вполне обычное решение.

— Мне ответили из Рейста, — сказала я.

— Вы поедете?

— Возможно. Нужно договориться об осмотре и понять, чем мы будем заняты здесь.

Тесса отвернулась от окна.

— На мои лампы поездка не повлияет. А по вашим я могу вести ремонт. Тот, который у меня в допуске.

— Знаю.

Она немного подождала, потом вернулась к кольцу. Я услышала в собственном ответе сухость и поморщилась. Мне хотелось, чтобы она была готова. Оказалось, неприятнее всего было обнаружить, что готовилась она без моего напоминания.

— Я ещё не придумала, как оставить тебе закупки, — добавила я. — До сих пор за всё платила из одного ящика. Теперь у тебя свои заказчицы, и я не всегда понимаю, чей материал беру.

— Я тоже не понимаю, — сказала Тесса. — Во вторник вы взяли две мои маленькие вставки. Я не стала мешать: у вас Ремис ждал. Потом пришлось разбирать коробки.

Я подняла глаза. Те вставки я помнила. Ремис пришёл со сломанной застёжкой резервного прибора, до обхода оставалось немного времени, и подходящая пара оказалась под рукой.

— Я вернула?

— Большие. Я их подточила. Только мне понадобилось ещё полчаса.

Она произнесла это без вызова, и мне было нечем заслониться от простого смысла сказанного. Я помогала ей начинать своё дело и продолжала обращаться с её запасом как с общим.

— Давай заведём отдельную полку. И покупки будем записывать по именам. Если беру твоё, сначала спрашиваю.

— Не обязательно спрашивать, если срочно. Запишите хотя бы. Я тогда буду знать, что заказывать.

Мы выбрали узкий шкаф возле окна. Тесса освободила в нём две полки, я перенесла старые оправы в кладовую. Потом мы сели рядом и разобрали остатки зерна. Это заняло гораздо больше времени, чем я рассчитывала. Некоторые мешочки были перевязаны одинаковой серой нитью, а пометки на бумаге выцвели. Пришлось искать записи прошлой осени, и к приходу Нилана на столе лежало столько раскрытых тетрадей, что ему некуда было поставить принесённый завтрак.

— Сегодня я до третьего часа, — напомнил он. — Орен ждёт на монтаж.

— Помню. Нам нужно закончить крепление в проходе у лечебницы.

Нилан снял пальто и повесил его на свободный крючок. Потом посмотрел на лист, приколотый к двери.

— Здесь ещё записан выезд к хлебным рядам.

Я подошла. Выезд действительно стоял на сегодня; я вписала его вчера, когда хозяин рядов зашёл перед закрытием. У него от сырости отошла медная дорожка, и я сказала, что пришлю человека утром.

— Туда пойду сама, — ответила я.

Нилан не стал спрашивать, когда я успею. Он отвязал свёрток с инструментами, проверил длину ремня и принялся собирать крепление. Мне пришлось снять с доски ещё один листок и переписать время приёма. Впервые за эту весну на двери появилась свободная строка, которую я не поспешила заполнить.

***

Дарен нашёл меня у хлебных рядов, когда я стояла на нижней ступени лестницы и оттирала руки. Хозяин уже ушёл проверять привезённые мешки; возле стены остался его сын, державший для меня корзину. Мальчик смотрел на Дарена с осторожным любопытством, а потом поспешно поставил корзину на землю и скрылся за занавеской.

— Я обещал зайти до полудня, — сказал Дарен. — Тесса отправила сюда.

Он поднял лестницу с той стороны, где я собиралась её брать, и посмотрел на крепление. Под рукавом пальто виднелся простой кожаный ремень, которым он стягивал рабочую сумку. Зимой движение правого плеча давалось ему хуже. Теперь он поднял лестницу свободно, но, когда мы донесли её до соседнего двора, немного задержался, разминая пальцы.

— Опять всю ночь на испытании?

— До второго часа. Потом Радан остался.

— Ты успел поспать?

— Успел. Не очень долго.

Я хотела позвать его к себе сразу, закрыть ставни, поставить воду и на час забыть о трёх письмах. Вместо этого мы вернулись к рядам, получили от хозяина плату и отошли к реке. На солнце деревянные перила были тёплыми, хотя от воды ещё тянуло холодом. Дарен встал рядом, и я заметила маленькую белую нить на воротнике его пальто. Наверное, от моего полотенца: утром он умывался у меня и ушёл раньше.

— В пятницу я свободен после обеда, — сказал он. — Если ты ещё не заняла вечер.

Я знала, что записано у меня на пятницу: проверка ламп, расчёт с поставщиком, два осмотра и человек, которому я обещала хотя бы поговорить о новом устройстве для лавки. Ничего из этого не требовало вечера. Я всё равно успела подумать, что можно будет сделать после закрытия.

— Не заняла. Давай поужинаем у тебя.

— Хорошо.

Мы немного помолчали. Вниз по реке прошла пустая баржа; по её борту ходил человек, проверяя верёвку. За дальним складом разбирали леса. Ещё в конце зимы я видела между досками голый проём, теперь там стояла рама. Мне хотелось показать её Дарену, но он сам смотрел туда.

— Из Эрлена ответили, — сказала я. — Прислали план. По нему не видно, что за старая связь проходит под рынком. Нужно ехать.

Он повернулся ко мне.

— Когда?

— Если договоримся — через две недели. Я пока только считаю дни.

— Веда писала, что у них освобождается комната. Ученик мужа съехал к родным. Я не сказал, что мы приедем.

— Я тоже ещё никому не обещала.

Дарен опустил взгляд на мою руку, лежавшую на перилах, и накрыл её своей. На его пальцах осталась тонкая полоска тёмной пыли. Мне нравились эти короткие встречи среди дня: мы не ждали окончания работы, чтобы снова стать друг другу близкими.

— Мне предлагают посмотреть безопасность грузового пути до рейстских складов, — сказал он. — Сейчас много жалоб на переносные накопители. Если возьму поручение, смогу ехать тем же обозом. Но у меня будут свои осмотры.

— И у меня свои.

— Да. Я подумал, лучше сказать сразу.

Я повернула ладонь и переплела наши пальцы.

— А к Веде мы поедем вместе?

— Если она согласится нас принять.

Он улыбнулся, устало и совсем немного. Я придвинулась ближе. Прохожий обошёл нас со стороны дороги, задел мою юбку мокрой корзиной; пришлось отступить от перил. Дарен удержал мою руку, пока я проверяла подол, и я вдруг пожалела, что пятница так далеко.

— Сегодня зайдёшь? — спросила я.

— Поздно. Ненадолго.

— Можно и надолго. Только хлеба уже мало.

Он посмотрел на ряды за моей спиной.

— Возьму по дороге.

Я поцеловала его возле воротника, там, где пахло прохладной шерстью, а потом подняла лицо. Он ответил без спешки, заслонив меня от ветра плечом. После поцелуя мы ещё постояли рядом. Мне не требовалось придумывать, что сказать, и я позволила себе несколько минут ничего не решать.

***

Новую партию привезли к вечеру. Возчик долго искал место для телеги: во дворе сохли доски, которые хозяин дома приготовил для починки навеса. Я вышла к нему с книгой, а Тесса открыла кладовую. На этот раз зерно пришло в восьми небольших мешках вместо двух больших ящиков. Каждый мешок был обёрнут промасленной тканью; на узле висела пломба таласского дома «Лосс и сыновья».

— Рейстская поставка? — спросила я.

Возчик сверился с накладной.

— Так записано. Через верхний двор. У меня только доставка.

Я не стала задерживать его вопросами, на которые он не мог ответить. Мы проверили целость ткани, пересчитали мешки. Нилан уже ушёл, и пришлось вдвоём с Тессой переносить груз на нижнюю полку. Мешки оказались не тяжёлыми, но неудобными: в пальцах скользила пропитанная оболочка, и один я едва не уронила, когда поворачивалась к двери.

Снаружи шпат ничем не пах. Я привычно прислушалась к сухому пересыпанию, развязывая первый мешок. Так нельзя было определить качество, но за годы я научилась замечать, когда звук отличался от ожидаемого. Сейчас в нём слышалось мелкое шуршание, будто к зерну подмешали песок.

Я высыпала немного на белую тарелку. Пригодные к закреплению кусочки лежали среди обломков, одни прозрачнее, другие мутные, с белёсыми краями. Подобный материал мне уже привозили для переборки. За него брали меньше, потому что часть веса уходила в отходы, а часть дня — на сортировку.

— Это то, что мы заказывали? — спросила Тесса.

Я снова прочла накладную. «Подготовленное световое зерно, однородная партия, для малых и уличных накопителей». Цена стояла та же, которую мы обсуждали письмом, с новой платой за складирование. Ни слова о переборке.

— По бумаге — да.

Тесса принесла чистую ложку. Я распределила зерно по тарелке, выбрала несколько кусочков и положила их в проверочную оправу. Света за окном уже не хватало для честного сравнения. Можно было попытаться зарядить образец от эталона, но тогда мы проверили бы прежде всего отдачу; мне нужно было увидеть и сбор.

Я сняла оправу с окна.

— До утра ничего из этой партии не ставим в приборы. И в твоих лампах тоже.

— У меня осталось старое зерно на обе.

— Хорошо. Подпиши мешки, пожалуйста. По порядку, как внесли.

Она достала бумажные полосы. Я записала номер накладной, время доставки и вес по каждому мешку. Восьмой ещё был холодным после телеги. От его шва тянулась тёмная полоса, которую я сначала приняла за влагу, но ткань на ощупь оставалась сухой.

Когда Тесса ушла, я закрыла кладовую и вернулась к письму из Эрлена. На плане рынка были обозначены шесть будущих фонарей. Я положила рядом накладную и карандашом написала на свободном краю: «Сырьё — после пробы». Затем погасила рабочую лампу.

Дарен постучал уже после закрытия. Он принёс хлеб, завернутый в полотенце, и задержался у двери, увидев, что я ещё в фартуке.

— Не закончила?

— На сегодня закончила.

Я сняла фартук, повесила рядом с Тессиным старым и подошла к нему. Дарен раскрыл пальто, обнял меня поверх платья. Я прижалась щекой к его груди и почувствовала под тканью тепло, которое успела забыть за последними записями. Мешки оставались на полке. Утром мы узнаем о них больше. Сейчас мне хотелось пройти домой вместе с ним, разрезать ещё тёплый хлеб и сесть так близко, чтобы можно было касаться его колена своим.

Глава 2. Восемь мешков

Утром я принесла из дома чистую скатерть. Рабочие тряпки впитали столько медной пыли, что по ним нельзя было отличить сор из нового мешка от того, который оставили вчера. Скатерть когда-то была праздничной. Я расстелила её поверх верстака, подвернула край с вышитой веткой и поставила девять чашек.

Тесса уже приготовила старое зерно. Оно хранилось отдельно, с записью о последней проверке, и нам предстояло взять из него эталон. Я посмотрела на её две лампы: короны стояли на окне, а сами приборы, закрытые непрозрачными колпаками, ждали вечерней отдачи. Тесса не стала откладывать свои испытания ради моих.

— Нужны твои весы, — сказала я. — Наши большие не покажут такую разницу.

Она принесла весы вместе с коробкой гирь.

— Я запишу передачу?

Я подняла на неё глаза и только потом поняла, что она спрашивает всерьёз.

— Запиши. До конца сегодняшней проверки.

Мы выбрали пробы из каждого мешка: сверху, из середины и возле дна. Для этого пришлось по очереди высыпать содержимое на чистую ткань. При дневном свете тёмная полоса восьмого мешка оказалась следом старой надписи, проступившей через масло. Я смогла разобрать половину буквы и перестала пытаться. Тару могли использовать несколько раз, и одна выцветшая буква ничего не рассказывала о зерне.

В первых трёх мешках мелочи было больше. В четвёртом попадались хорошие цельные кусочки, за которые я не стала бы спорить. Остальные выглядели по-разному, хотя на всех висели одинаковые пломбы. Я записывала вес, Тесса завязывала отобранные остатки. К девятому часу на столе лежали девять бумажных пакетов и два обломка сургуча с пристывшей нитью. Не хватало одного номера. Мы нашли его на полу под моей юбкой, куда полоску сдуло, когда я открыла дверь Нилану.

Нилан посмотрел на занятую мастерскую и остановился на пороге.

— Монтажные пластины можно брать?

— Да, они у печи. Новое зерно пока не трогаем.

Он отнёс пластины во двор, сел под навесом и принялся снимать заусенцы. Через несколько минут к нему присоединился Ремис. Они говорили о запасном ключе от калитки и о ступени, на которой снова скапливалась вода. Я слушала вполуха, пока выравнивала чашки на длинной доске. Старое зерно положила посередине. Остальные образцы должны были получить тот же свет, а не его случайный остаток у края окна.

— Лучше вынести во двор, — предложила Тесса. — Здесь переплёт затенит третью чашку.

Мы выбрали место подальше от навеса, где солнце проходило над низкой стеной. Доску поставили на козлы. Перед зарядкой я сняла с каждой пробы остаток в поглотитель, дождалась нулевой отметки и ещё раз проверила эталон. В девяти маленьких оправах были одинаковые собирающие рисунки; защитные перемычки я проверила дважды, поскольку сегодня особенно не хотелось получить собственную ошибку вместо ответа о чужой партии. Тесса принесла песочные часы и лист для отметок. Нилан вытер руки, подержал доску, пока я подкладывала под ножку щепку, и вернулся к пластинам.

Сначала ничего заметного не происходило. Зерно оставалось светлым, некоторые грани поблёскивали. Мы зафиксировали первый отклик и накрыли чашки одинаковыми колпаками для измерения отдачи. Эталон дал ровное слабое свечение; в первой пробе свет дрожал и быстро осел. Четвёртая держалась почти так же, как старое зерно. Остальные занимали всё пространство между ними.

Я повторила измерение, потом мы поменяли чашки местами. У соседей в это время вынесли бельё. Белая простыня на верёвке заслонила нам свет, и пришлось подождать, пока хозяйка оттянет её к другой стене. Она делала это с явным неудовольствием: ей тоже хотелось закончить работу до обеда. Я пообещала помочь снять тяжёлое покрывало вечером и вернулась к доске.

После второй проверки различие сохранилось. Тесса сидела на перевёрнутом ящике, прижимая лист к коленям. Я присела рядом. У неё замёрзли руки, и цифры в последних строках получились крупнее первых.

— Значит, нам продали плохое зерно? — спросила она.

Я посмотрела на четвёртую чашку.

— Нам продали разное. Часть хорошая. За эту часть я готова платить как за подготовленную.

— А остальное?

— Нужно перебрать и проверить отдельно. На это уйдут дни. Мы заказывали материал, который можно ставить после обычной входной проверки.

— Они могли ошибиться на складе.

— Могли.

Мне хотелось сказать это так же спокойно, как Тессе. Но я уже вспоминала, сколько раз перечитывала письмо с ценой, прежде чем согласиться на новую плату за хранение. Мне обещали сэкономить время. Я внесла половину стоимости именно затем, чтобы получить готовую партию к весенним заказам. Теперь на солнце сохла моя скатерть, в доме ждали неначатые ремонты, и неизвестный сортировщик распоряжался моим днём, даже не зная моего имени.

— Вы сердитесь, — сказала Тесса.

— Да. Только в претензии я напишу о зерне.

Она протянула мне лист. Я убрала его в папку, а чашки мы перенесли под навес, чтобы закрыть и сохранить образцы. Из каждого мешка оставили ещё по нетронутой пробе. На пакетах расписались обе; завтра их можно будет передать Линет.

***

В конторе торгового дома пахло кожей и тёплым воском. Помещение занимало первый этаж дома у Мостового рынка; над столом висела карта речных складов. Я знала эту контору по прежним закупкам, но раньше общалась с пожилой женщиной, которая помнила мои заказы без книги. Сегодня за стойкой сидел молодой писец. Он выслушал меня, не открывая папку, и предложил оставить прошение.

— Мне нужен человек, который принимал заказ. Партия пришла вчера, срок проверки ещё не вышел.

Писец посмотрел на накладную и исчез за дверью. Я осталась стоять у стойки с папкой под мышкой. Рядом ждал старик с маленьким жестяным ящиком. Он несколько раз менял его из руки в руку, потом поставил на пол и спросил, не знаю ли я, здесь ли принимают возврат. Я сказала, что сама пришла с возвратом. Он вздохнул так, словно мы уже долго состояли в одном неудачном деле.

Меня позвал мужчина в сером жилете. Он представился Эдриком Сейном, уполномоченным по рейстским поставкам, и предложил сесть. На его столе лежала раскрытая ведомость; возле чернильницы стояла миска с остывшим супом. Он отодвинул её к окну, освобождая место для моих бумаг.

— Вы просили двадцать четыре мерки, — сказал он. — Восемь мест по три. Вес сошёлся?

— Сошёлся. Состав не соответствует описанию.

Я положила перед ним результаты и один запечатанный пакет. Он рассматривал цифры долго, проводя ногтем по краю строки.

— В заказе указан второй торговый сорт.

— И подготовленное однородное зерно. Вот ваше подтверждение.

Я развернула письмо. Сейн прочёл его, потом подтянул накладную ближе.

— После обвала мы получаем материал с другого участка. У него другая структура.

— Это может объяснить цвет. Не объясняет разницу между мешками.

— Разница есть всегда.

— Посмотрите на длительность отдачи. Я не требую одинакового куска в каждой горсти. Одна проба держится почти вдвое дольше другой при том же весе и времени зарядки. Мне потребуется переборка, за которую я уже заплатила вам.

Сейн откинулся на спинку стула. В первый раз он посмотрел не на бумагу, а на меня. У него были красные веки; похоже, этот разговор у него сегодня не первый.

— Я не могу заменить вам всё на прежнее зерно. Его здесь нет.

— Тогда примите возврат.

— После вскрытия пломб?

Я придвинула к нему вторую страницу условий.

— Для входной проверки их и полагается вскрывать. Семь дней. Здесь нет требования проверять сквозь ткань.

Он прочёл строку и некоторое время молчал. За стеной кто-то повысил голос; из коридора ответили ещё громче. Сейн поморщился, но не вышел. Я впервые заметила на карте маленькие чёрные кресты возле двух верхних дорог. Война кончилась четыре года назад, а на этой карте всё ещё было достаточно мест, через которые груз нельзя было провести.

— Давайте так, — сказал он. — Остаток платежа пока не вносите. Я осмотрю партию в вашей мастерской. Если состояние подтвердится, примем её на ответственное хранение до решения поставщика.

— Мне нужно письменное подтверждение, что срок претензии сохранён.

— Сделаем.

— И что вскрытие для проверки не считается порчей. Я сохранила пломбы.

Сейн кивнул, взял чистый лист. Он писал быстро, почти не отрывая пера. Когда закончил, я прочла всё с начала до конца и попросила дописать полученный аванс: сто сорок четыре марки. Он вписал сумму. Вторые сто сорок четыре остались у меня, но вернуть первую половину сегодня он не обещал.

— Вы понимаете, что мы тоже зависим от дороги? — спросил он, посыпая подпись песком.

— Понимаю. Поэтому и пришла говорить о том, что получила, а не о том, почему задержался обоз.

Он поднял голову. Мне показалось, что сейчас он скажет что-нибудь резкое, но вместо этого Сейн позвал писца и велел выдать копию. Я убрала бумаги, оставила пакет под расписку и вышла в переднюю. Старик с жестяным ящиком всё ещё ждал. Я остановилась у стойки и сказала писцу, что этот человек тоже пришёл по сроку возврата. Писец недовольно взглянул на меня, но открыл книгу.

На улице я некоторое время стояла возле стены, держа папку обеими руками. День был светлый; от этого казалось особенно нелепым, что всё утро ушло на доказательство того, что плохое свечение отличается от хорошего. Я купила у женщины возле рынка горячую лепёшку, обожгла пальцы и пошла обратно, откусывая на ходу. До мастерской было недалеко, а обедать за столом я сегодня уже не успевала.

***

Сейн пришёл после третьего часа. Он привёл весовщика и не стал возражать против Тессиных записей, пока не увидел, что четвёртый мешок отмечен отдельно. Тогда спросил, почему мы выделили именно его.

— Потому что он лучше, — сказала я. — Хотите, повторим пробу.

Весовщик провёл пальцем по внутреннему шву пустой оболочки. Я спросила, что он ищет. Он показал стёртый след мела.

— Перевешивали на верхнем дворе. Здесь обычно ставят остаточный вес после осмотра. Теперь всё затёрто маслом.

— Это нарушение?

— Нет. На мешке может быть что угодно. В книге должно быть записано.

Сейн попросил его заняться весами. Пока они устанавливали чашу, я записала имя двора рядом с датой перевозки и оставила ниже место для номера складской записи.

Мы повторили короткую проверку двух образцов. Дневного света оставалось меньше, чем утром, поэтому я поставила рядом старый эталон. Разница снова получилась заметной. Сейн смотрел, не перебивая, а потом попросил оставить у нас четыре мешка до завтрашнего решения.

— Все восемь, — сказала я. — Я возвращаю поставку целиком. Не хочу, чтобы после разделения мы спорили, какие именно вы увезли.

Он потёр переносицу.

— У нас на складе мало места.

— Здесь тоже.

В конце концов мы составили опись. До утра мешки оставались в запертой кладовой. При Сейне и весовщике из каждого отобрали свежую пробу, перемешали её и разделили на два пакета. Один комплект получил Сейн, второй — я. Утренние образцы сохранились отдельно. На дверце кладовой мы закрепили бумажную ленту с двумя подписями; для обычной закупки всё это выглядело чрезмерно, но после зимы мне было легче потратить лишний лист, чем потом восстанавливать чужую память.

Когда они ушли, Тесса зажгла свои лампы. Вторая дала мягкий ровный свет и почти не отбрасывала тени на лист. Первая освещала левый край стола лучше правого. Тесса несколько раз передвинула её, потом села перед прибором на место заказчицы и взяла иглу с ниткой.

Я поставила рядом кружку чая и пошла снимать покрывало соседки. Мы стянули тяжёлую влажную ткань с верёвки вдвоём, стараясь не задеть землю. Из мастерской доносился голос Тессы: она вполголоса называла мерки и делала поправки. К тому времени, как я вернулась, она уже сняла боковую пластину.

— Завтра смогу отдать, — сказала она. — Если получится так, как я думаю.

Я села за свой стол. На нём лежали расписка Сейна и два письма, которые я так и не открыла. Первое было от фонда восстановления. Они хотели обсудить освещение нового прохода возле лечебницы. Второе принёс курьер из печатни: Леон спрашивал, могу ли я подтвердить, что цена шпата выросла ещё раз.

Я перевернула письмо Леона и написала, что могу показать цену своей поставки и результат проверки. О причинах роста мне известно только то, что сказал продавец. Потом прочитала короткий ответ и оставила его без дополнений.

Тесса подвинула исправленную лампу к окну. Свет лёг на её пальцы, на коробку игл и раскрытую тетрадь с собственным именем. Я смотрела, как она вдевает нитку, и понемногу переставала слышать в голове разговор с Сейном. Здесь у нас ещё оставалась работа, которую можно было понять, сделать и отдать человеку. На этот вечер мне хватило её ровного небольшого света.

Глава 3. Чужая подпись

Линет Морв не взяла образец, пока я не показала ей, откуда он получен. Она стояла у моего стола в дорожном плаще, с маленькой кожаной сумкой в руках, и читала опись так внимательно, будто там могло скрываться больше, чем в самом зерне. Я ждала, стараясь не поглядывать на часы. До встречи в фонде оставалось меньше двух часов.

— Эти пакеты отобраны вчера при продавце? — спросила она.

— Да. Смешанные пробы из каждого мешка, затем разделены пополам. Его комплект у него, мой здесь. Утренние стоят отдельно.

— Их тоже сохраните. Я заберу четыре из вечерних: лучший результат, худший и два средних. Остальные понадобятся при повторе.

Я достала из ящика небольшой пакет, приложенный Сейном к договору ещё при внесении аванса. Мы тогда получили две одинаково опечатанные порции образца: одну открыли перед покупкой, вторую я оставила на случай спора. Линет сравнила номер на ленте с договором, записала состояние печати и положила пакет к пробам. Его она вскроет у себя, при повторной проверке; во вчерашнем опыте я пользовалась своим привычным старым зерном.

Рядом с ней стояла незнакомая женщина в тёмном коротком пальто. Она успела снять перчатки и теперь держала их вместе с папкой, прижав к боку локтем. На мизинце левой руки у неё белел старый ожог. Пока Линет читала, женщина рассматривала мои чашки и длинную доску, прислонённую к стене.

— Талия Серн, — сказала она, заметив мой взгляд. — Я веду переносные накопители и новые партии сырья. Линет попросила зайти вместе.

Я назвала себя. Талия кивнула, не притворяясь, будто никогда обо мне не слышала, и попросила показать, где вчера стоял эталон. Мы вышли во двор. На козлах ещё лежала щепка, которой Нилан выравнивал ножку, а верёвка с бельём провисала пустая.

— После первого прохода меняли места? — спросила Талия.

— Да. И повторяли снятие остатка. Время записывала Тесса.

— Как держали нагрузку?

Я объяснила. Талия выслушала, попросила лист, посмотрела на два соседних измерения и сказала, что для претензии различие заметное, но для допуска городского прибора этого недостаточно. Я почувствовала, как внутри поднимается знакомое желание возразить прежде, чем она закончила фразу.

— Я не ставила новое зерно на улицу.

— Я вижу. Спросила потому, что сегодня в фонде будут говорить о переносе старого допуска.

Она произнесла это спокойно, и мне стало неловко за ответ. Мы ещё не успели познакомиться, а я уже услышала в её вопросе обвинение.

Талия открыла папку. На первой странице лежал перечень четырёх мастерских, которые получили похожие партии. Имена были закрыты отдельной полосой бумаги; я видела только даты и объёмы.

— У одной разброс небольшой, — сказала она. — У другой после переборки получилось вполне пригодное зерно. Третья ещё не ответила. Поэтому я пока проверяю свойства, а не чью-то общую версию.

— Сейн говорил об обвале.

— Мне тоже. Это объяснение поставщика. От участка я ещё ничего не получила.

Она убрала лист прежде, чем я смогла прочитать нижние строки.

Сейн приехал, когда мы вернулись в мастерскую. Увидев Линет, он остановился возле порога и спросил, проводится ли официальный осмотр. Линет объяснила, что забирает пробы

по заявлению покупателя, а полную партию сегодня принимает обратно торговый дом. Никакого запрета на его работу она не выносит.

Мы втроём проверили подписи на ленте, я открыла кладовую. Возчики вынесли все восемь мешков. Сейн пересчитал их и подписал возвратную накладную; в ней появилась дата решения по авансу — через шесть рабочих дней. Мне хотелось получить деньги сразу, но теперь хотя бы было понятно, когда идти требовать их снова.

После отъезда телеги кладовая показалась необыкновенно просторной. На пустой полке осталась светлая пыль. Я собрала её влажной тряпкой, прополоскала тряпку во дворе и вымыла руки.

Талия задержалась у Тессиных ламп. Тесса подошла сама, назвала назначение каждого прибора и показала свой допуск. На вопрос об исправленной пластине она объяснила, что проверяет равномерность на рабочем листе заказчицы. Талия села, придвинула лампу и взяла иглу.

— Вы сами шьёте? — спросила Тесса.

— Иногда. Плохо. Но иголку в сумерках вижу не лучше остальных.

Она попробовала вдеть нитку, переставила лампу и указала на отражение возле края стекла. Тесса нахмурилась, достала отвёртку. Они наклонились к прибору вдвоём, и через минуту я услышала, как Тесса предлагает другой угол пластины.

Линет коснулась моей папки.

— Пойдёмте. До фонда ещё нужно дойти.

Я взяла пальто, оставила Тессе записку о возвращении и вышла. За дверью пришлось остановиться: пояс сумки попал под рукав. Линет подождала, не торопя. Пока я распутывала ремень, мне впервые за утро стало легче.

***

Лисандра Весс встретила нас в комнате, где зимой мы пересчитывали мой убыточный заказ. Теперь на столе лежала большая карта нижних кварталов. По ней были протянуты красные нити, а возле каждой стояла цена. Одну нить прижимал обгрызенный карандаш.

Кроме Лисандры здесь был смотритель лечебницы, сухой пожилой человек по имени Риан Тарн. Он поднялся, чтобы поздороваться, и сразу снова сел. В руке держал трость; под стулом стояла дорожная сумка, из которой выглядывал свёрнутый кусок грубой ткани.

— Мы начали принимать людей через задний двор, — сказал он. — Старый проход к дверям отделения слишком узок для двух носилок. Новый шире, но там три тёмных места. Ночью дежурный всё время ходит с лампой.

Я подошла к карте. Проход, о котором он говорил, шёл вдоль бывшего красильного двора. Два корпуса снесли после пожара, третий недавно разобрали из-за трещины. Теперь здесь можно было пройти от старой дороги прямо к лечебнице, минуя рынок и ступени. Я знала эту улицу по осмотрам, но не видела её после разборки.

— Сколько опор осталось? — спросила я.

— Три. Каменные основания целы. Так мне сказали.

Линет наклонилась к карте.

— Кто смотрел?

Тарн достал бумагу. Это оказалось заключение Арлена Каста о кладке, без магических связей. Линет прочла его и вернула; я переписала в свою тетрадь обозначения трёх оснований.

Лисандра подтянула к себе расчёт.

— Фонд готов рассмотреть шесть фонарей. Старая цена изделия — семьдесят. Часть расходов на подготовку уже понесена. Если мы возьмём принятую модель, можно не повторять полный зимний цикл.

— Зимний — можно не повторять в том же объёме, — сказала Линет. — Но осмотр места и проверку новой партии никто не отменял.

— Я не предлагаю ставить непроверенное.

— Тогда это нужно отделить в смете. Сейчас у вас одна строка на допуск.

Лисандра посмотрела на меня. Я видела, что она ждёт не согласия со всем подряд, а предложения, по которому можно выделить деньги.

— Я могу поставить шесть одинаковых приборов, — сказала я. — Но цену семьдесят считала для подготовленного зерна. Пока новая партия возвращена, мне нечего заложить в эту строку. Старого запаса на шесть нет.

Тарн переложил трость в другую руку.

— Сколько есть?

Я задумалась. Меньше всего хотелось торговаться с человеком, который говорил о носилках. В то же время каждый кусочек нашего запаса был уже обещан в чужую лампу или оставлен на аварийную замену.

— На два новых прибора, если сократить обычные ремонты. Ещё один можно собрать из возвращённых в обслуживание деталей. Но я не обещаю этого до осмотра.

Он провёл ладонью по колену и сказал, что начнут хотя бы с поворота к отделению. Лисандра записала. Я заметила, что у него на большом пальце проступила чернильная полоска: он, вероятно, сам правил своё заявление.

— Есть предложение временно брать зерно смешанного состава, — сказала Лисандра. — Совет просит службу дать отдельное заключение для восстановительных объектов. При коротком вечернем освещении запас может оказаться достаточным.

Линет не ответила сразу. Она повернула карту к себе и уточнила, идёт ли речь о фонарях или о всех накопителях на этих объектах. Лисандра достала письмо. В нём действительно стояло широкое «для вспомогательных городских устройств».

— Это разные нагрузки, — сказала я. — Фонарь может погаснуть. Подъёмник с человеком внутри не должен решать, что ему хватит ещё на половину пути.

— Именно поэтому письмо отправлено испытателям, — ответила Лисандра. — Я не могу написать заключение за них. Но мне нужен срок.

В комнате стало тихо. За стеной передвинули стул. Тарн сжал трость обеими руками, а Лисандра положила письмо передо мной. Мне хотелось получить заказ и не провести ещё одну весну, занимая у собственного резерва. Я посмотрела на красную нить возле лечебницы и убрала руку с карты.

— Я осмотрю проход завтра, — сказала я. — После этого дам два расчёта. Первый — то, что можно сделать из имеющегося запаса. Второй — весь участок, когда будет понятна поставка. Никакого аванса на шесть до этого не беру.

Лисандра записала срок. Тарн спросил, можно ли прийти на осмотр вместе с дежурной. Я сказала, что без неё всё равно не пойму, где сейчас труднее всего.

Когда мы собрались уходить, он достал из сумки свёрток. Внутри оказался кусок обгоревшей ткани с пришитыми петлями.

— Это с носилок, — объяснил он. — На углу у нас торчит старое железо. Два раза за месяц цеплялись. Днём его видно, а ночью дежурный поднимает лампу, чтобы светить под ноги, и верхний край пропускает.

Я взяла ткань. Петля была вырвана вместе с полосой основы. Мы могли бы обсуждать шесть фонарей ещё долго, а это железо можно было убрать завтра утром, до любого решения о зерне.

— Я приведу человека с инструментом, — сказала я. — Разрешение на снятие есть?

Тарн впервые за встречу улыбнулся.

— Есть. Я его тоже принёс.

***

Дарена я встретила на испытательном дворе. Он стоял у длинного стола рядом с Раданом и молодым служащим, которого я прежде не видела. На столе лежали две переносные оправы, раскрытые так, чтобы было видно удерживающий рисунок. Дарен показывал молодому человеку, где поставить зажим, не касаясь входной полосы пальцами.

Я дождалась у ворот. Он заметил меня, коротко кивнул и закончил объяснение. Молодой человек сделал попытку сам, слишком сильно повернул крепление; Радан остановил его. Дарен не вернулся к столу, пока тот заново не проверил положение и не исправил его собственными руками.

— Как в фонде? — спросил он, подойдя.

Я рассказала о проходе и двух расчётах. Затем спросила, ему ли отправили письмо о смешанном сырье.

— Мне и ещё двум испытателям. Пока просят определить границы проверки.

— Лисандра ждёт срока.

— Знаю. Они все ждут.

Он посмотрел на двор. У молодого служащего наконец получилось закрепить зажим, и Радан позволил ему перейти к следующему действию. Дарен чуть заметно расслабил плечи.

— Ты успеешь до поездки? — спросила я.

— Если пришлют перечень устройств. Пока они написали всё одним словом.

— В фонде показали это письмо. Линет вернула его с вопросами.

— Значит, нас уже двое.

Он снял перчатку и потёр переносицу. На коже остался след тёмной пыли. Я достала платок, протянула ему; Дарен посмотрел на испачканные пальцы и вытер лицо.

— Мне дадут замену на время дороги, — сказал он. — Я вчера говорил с начальником. Ещё не приказ, но отказа нет.

Я обрадовалась раньше, чем успела вспомнить о своих мешках и несогласованной опоре в Эрлене. Поездка впервые перестала казаться чем-то, что мы обсуждаем только по вечерам.

Дарен заметил свёрток с тканью в моей сумке. Я показала ему порванную петлю. Он выслушал историю, провёл пальцем вдоль разрыва и предложил посмотреть угол, когда закончит обход.

— Завтра туда идём с Ниланом, — сказала я. — Разрешение есть. Он справится.

— Тогда хорошо.

Дарен вернул ткань. Мы стояли у открытых ворот, и мне вдруг захотелось забрать его из этого двора хотя бы на полчаса. Он, наверное, понял по тому, как я задержала руку на его рукаве.

— Я освобожусь через час, — сказал он. — Можем пройти вместе до дома.

— Мне нужно в мастерскую.

— Тогда до мастерской.

Я согласилась. Час ушёл на заказ новых уплотнений и короткий разговор с Селин, которую встретила у лавки печника. Она несла образец кирпича, завёрнутый в старое полотенце, и пригласила завтра посмотреть помещение. Я сказала, что приду после осмотра прохода. На этот раз не назвала точного часа, которого не могла обещать.

Дарен догнал меня у моста. Мы шли медленно; на повороте он взял мою сумку, а я засунула замёрзшие пальцы в его ладонь. Солнце уже ушло с улицы, но на верхних окнах ещё оставалось немного света. В одном доме женщина снимала занавески, в другом мальчик пытался открыть тугой шпингалет. Я смотрела вверх и думала о Тессе, которая сегодня сама объясняла своё устройство испытательнице.

— Тебе нравится учить? — спросила я.

Дарен не сразу понял, о чём я.

— Того молодого человека во дворе.

— Да. Когда есть время дать ему ошибиться безопасно.

— А сегодня было?

— Немного.

Он рассказывал, что юноша пришёл из механической мастерской и привык проверять крепление силой, а с проводящей полосой нужно сначала увидеть путь заряда. Я слушала, как менялся его голос: в нём становилось меньше осторожности, появлялось терпеливое удовольствие от понятной задачи. Мне захотелось когда-нибудь посидеть на таком занятии без повода, просто увидеть его за работой подольше.

У моей двери мы задержались. Внутри уже горели две лампы: одна моя, другая Тессина. Дарен коснулся моей щеки тыльной стороной пальцев.

— До пятницы?

— До пятницы.

Я поцеловала его и не стала добавлять ничего про письма совета. Он ушёл по улице, оглянулся возле соседнего дома. Я помахала ему, потом открыла дверь. В мастерской пахло горячим металлом и свежей стружкой; Тесса подняла голову, показала готовую лампу и спросила, можно ли пригласить заказчицу завтра.

Глава 4. Печь для двоих

Нилан согласился зайти к лечебнице до работы в артели. Я записала отдельную плату за ранний час и обещала отпустить его сразу после снятия железа. Он пришёл с небольшим молотком и узким полотном, которое берёг для неудобных мест. Я несла свёрток Тарна: порванная петля помогла быстрее объяснить дежурной, какой выступ мы ищем.

В проходе пахло мокрой известью. После разборки красильного дома здесь стало просторно, но на стене соседнего здания остались обрывки прежней жизни: белая полоса над местом, где стоял шкаф, часть лестницы, никуда не ведущая дверь. Дежурная Риана Велл показала поворот. Железный крюк торчал на уровне груди, и я удивилась, как его могли оставить после очистки улицы. Потом увидела рядом аккуратно выведенный мелом крест: кто-то уже замечал опасное место. До работы просто не дошли руки.

Нилан постелил под стеной холст. Сняв наружную часть крепления, он попробовал вытянуть стержень, но тот уходил глубоко в кладку. Риана предложила выбить камень. Нилан покачал головой и попросил её отойти: отрезать выступ было медленнее, зато не приходилось разбирать чужую стену.

Мы работали около получаса. Пока Нилан пилил, я проверила опоры и набросала проход в тетради. У дальнего основания оказалась свежая трещина в заделке. Сам камень стоял крепко, но медная полоса уходила под землю там, где раньше были ворота красильни. Без испытания я не могла сказать, разорвана ли старая связь.

Риана наблюдала за мной, придерживая на ветру край плаща.

— Снова придётся ждать?

— Для нового фонаря здесь — да. Но можно начать с поворота. Там отдельное основание.

— У нас ночью женщина с мальчиком заблудились между стенами. Она знала прежнюю дверь, а её теперь нет. Ходила кругом, пока дежурный не услышал.

Я посмотрела на пустой дверной проём. Днём было понятно, что за ним ничего нет. Ночью человек мог увидеть знакомые очертания и пойти к ним, особенно если думал о больном ребёнке, а не о разметке улицы.

— Нужна ещё табличка, — сказала я. — Со стрелкой. И на старом входе тоже.

Риана вздохнула.

— Табличку заказывали. Она лежит в комнате смотрителя, ждёт крепления.

Мы нашли её под свёрнутой циновкой. Нилан закончил с железом, зачистил край, а потом посмотрел на табличку. Я уже открыла рот, чтобы попросить ещё об одном маленьком деле, и вовремя замолчала. Он заметил это.

— Я не успею, — сказал он. — Орен ждёт на крыше.

— Знаю. Оставь мне сверло.

Он показал, где лучше ставить два крепления, чтобы не попасть в рыхлый шов, и ушёл. Я осталась с Рианой. Мы вдвоём повесили стрелку, подняли её чуть выше и отошли к повороту, проверяя, видно ли надпись. Проход ещё не стал светлым, но заблудиться в нём теперь было труднее.

Риана пригласила меня выпить чаю в дежурной. Я собиралась отказаться: Селин ждала у нового помещения. Но у меня болели пальцы, а на рукаве белела известь. Я согласилась на одну чашку и села у печи, пока Риана разбирала чистые повязки.

На соседнем стуле стояла корзинка с детской рубашкой. Ворот был заштопан ниткой другого цвета. Риана отодвинула её, чтобы я могла положить сумку, и сказала, что принесла работу из дома, но за смену так и не успела сделать ни стежка.

Я допила чай, помогла ей сложить повязки и ушла с тёплыми руками. На улице солнце попадало прямо на новую стрелку. Её было видно от самого угла.

***

Селин и Нира ждали у пристройки за старой кожевенной лавкой. Селин держала ключ, Нира — длинную дощечку с намотанной верёвкой. Дверь уже открыли, но внутрь не входили: хозяин ушёл за актом на дымоход и попросил подождать его.

Я извинилась за опоздание. Селин посмотрела на мой рукав, испачканный известью, и просто протянула влажную тряпку. Нира первой показала помещение через открытую дверь.

Оно было меньше, чем я представляла по рассказам. Одна комната, низкое подсобное место под лестницей и дворик с колодцем, которым пользовались ещё две семьи. У дальнего окна можно было поставить стол для шлифовки. Печь должна была встать возле наружной стены, где прежде находился сушильный очаг.

— Элмар посмотрел основание, — сказала Селин. — Выдержит. Но дымоход надо перекладывать выше крыши.

— Кто платит?

Сёстры переглянулись.

— Пока именно об этом разговариваем, — ответила Нира.

Я вошла, обошла комнату и остановилась у окна. Нижняя петля была разболтана. Нира сразу подошла с верёвкой, замерила ширину простенка и записала число на обратной стороне объявления. Потом показала, где будет стоять её стол. Не общий стол под случайную работу, а место, на котором никто не станет складывать чужую тару.

Селин не возражала. Она осматривала стену возле будущей печи, ощупывая старую штукатурку здоровой рукой. Порез давно затянулся, но после долгой шлифовки кисть всё ещё уставала. Иногда она растирала запястье большим пальцем и продолжала разговор, будто жеста не было.

— Здесь станет жарко, — сказала я.

— Летом — очень. Зато дверь во двор широкая. Можно вынести часть работы.

— А соседи?

Нира показала второй лист. Там были записаны часы закладки и шумной обработки. С нижней семьёй уже договорились, с верхней ещё нет: у них маленький ребёнок, и мать просила не стучать после полудня.

— Мы не можем обещать полную тишину, — сказала Селин. — Но шлифовать можно утром.

В дверях появился хозяин. Его звали Мальрен Фой; он носил аккуратно залатанные башмаки и держал документы в плоской деревянной коробке. Я ожидала увидеть уверенного человека, который назначит цену и уйдёт. Фой вошёл боком, чтобы не задеть отстающую доску, и сразу стал объяснять, что прежние жильцы не платили за воду последние два месяца.

Селин выслушала его, затем попросила показать место общего крана и счёт за ремонт колодца. Он заметно удивился. Видимо, о воде ему чаще обещали «договориться потом».

Мы вышли во двор. Там было тесно: поленница, две бочки, лавка под стеной. Нира измерила проход от двери до колодца. Когда она натянула верёвку, из соседнего дома вышла женщина с ребёнком на руках. Фой представил её как Лейну Аррис. Лейна спросила, не будут ли новые жильцы носить раскалённое стекло через весь двор.

Селин объяснила, что горячая работа останется в помещении. Она говорила без той усталой уступчивости, с которой осенью обещала успеть всё и почти за любые деньги. Лейна слушала внимательно, потом попросила показать, где будет храниться топливо. Оказалось, что место возле поленницы Фой уже обещал нижнему соседу.

— Я сказал, что временно, — возразил он.

— Он сделал крышу, — ответила Лейна. — Теперь вы ему скажите, что временно.

Фой потёр лоб. Я посмотрела на Селин. Она не стала улыбаться или ждать, что соседская ссора сама освободит ей место.

— Тогда это нужно решить до договора, — сказала она. — Мы не станем хранить дрова на проходе.

Мы вернулись в комнату. Фой разложил бумаги на подоконнике. По его версии дымоход относился к оборудованию мастерской, а значит, платить за него должны были сёстры. Селин возразила, что старую трещину видно снаружи и без новой печи. Нира достала заключение Элмара. В нём были разделены ремонт существующего канала и надстройка под новую тягу.

Я читала вместе с ними. Здесь не было красивого решения, которое оставило бы всех довольными. Фою требовалась арендная плата уже сейчас. Сёстрам — возможность работать, не вложив всё в чужую стену. Элмар оценил работу так, что одна Селин не могла бы оплатить её без долгов.

— Половину ремонта я могу зачесть в аренду, — сказал Фой. — Но только на четыре месяца. Дальше у меня свой платёж.

Селин посмотрела на Ниру. Та молчала, глядя в расчёт. Я почти физически почувствовала знакомое желание найти недостающие деньги, дописать удобный заказ на лепестки, обещать такой аванс, который позволит им подписать сегодня. Потом вспомнила свои восемь возвращённых мешков и сто сорок четыре марки, которых пока не было в ящике.

— Нам нужен день, — сказала Нира.

Фой вздохнул, но согласился. Он не потребовал ответа немедленно, только попросил не держать помещение неделю. Когда он ушёл, мы остались втроём у пустого окна. Селин положила ключ на подоконник и медленно провела ладонью по дереву.

— Я уже вижу здесь печь, — сказала она. — Это мешает считать.

Нира сняла с верёвки маленький грузик.

— Тогда я посчитаю ещё раз дома.

***

Мы обедали у сестёр. На столе стояла кастрюля с густой похлёбкой, хлеб лежал прямо на чистой ткани. Нира села с краю, оставив рядом бумаги, но Селин убрала их на сундук. Я была рада этой короткой отсрочке. После утренних опор и дымохода мне хотелось просто есть, пока ложка ещё тёплая.

Селин рассказала о покупательнице, которая заказала чашу и попросила сделать край толще: у неё дрожали руки, тонкое стекло пугало. Нира слушала, затем принесла свой первый законченный стакан. Стенки получились неровными, но тяжесть удобно ложилась в ладонь. Я повернула его к свету. По дну шла тонкая волна цвета, которую мне захотелось рассматривать долго.

— Не для продажи, — сказала Нира прежде, чем я спросила.

— А для чего?

— Для меня.

Она взяла стакан обратно, налила воды и поставила у своей тарелки. В этой простой уверенности было что-то новое. Осенью она чаще приносила то, что требовалось Селин, и оставалась рядом, ожидая следующего поручения.

После обеда сёстры вернулись к расчёту. Нира предложила вложить свои накопления, но не как помощь без записи. Ей нужна была доля в деле и отдельная оплата за обычную работу. Селин сначала подняла голову, как будто услышала неожиданную цену, потом медленно кивнула.

— Я думала, ты хочешь пока учиться.

— Хочу. Но я и сейчас работаю. Если всё пойдёт в печь, мне не на что будет жить до первых продаж.

Я сидела возле окна с чашкой в руках и чувствовала, что мне пора уйти. Однако Селин попросила остаться: им нужен был человек, который проверит, не пропустили ли они расходы

на лампы и накопители. Я раскрыла свою тетрадь, и мы занялись именно этим. В остальное я старалась не вмешиваться.

Рабочий свет можно было собрать из двух простых приборов. Печь должна была греть топливом; шпат требовался для малого контрольного устройства, которое помогало сравнивать режимы, а не заменяло собой огонь. Я объяснила, сколько зерна действительно нужно и почему пока не могу обещать прежнюю цену. Нира вычеркнула из черновика лишнюю строку: они по ошибке включили запас как для большого накопителя.

После этой поправки денег всё ещё не хватало на удобный новый стол. Селин предложила оставить старый, подложив под короткую ножку клин. Нира помолчала, потом согласилась. Ей было жаль своего нарисованного места у окна, и я понимала это лучше, чем хотела показывать.

— Стол можно сделать позже, — сказала она. — Только не ставьте пока туда бочки.

Селин посмотрела на неё и ответила, что не поставит. Я записала два размера для будущих креплений и закрыла тетрадь.

Уходя, я задержалась у чаш, стоявших на полке. Моя дымчатая чаша дома уже не казалась подарком на особый случай: в ней лежали то яблоки, то орехи, а однажды Дарен сложил туда записки, которые боялся потерять. Я рассказала об этом Селин. Она улыбнулась и спросила, не царапает ли основание стол.

— Нет. Я подложила ткань.

— Можно просто прошлифовать. Принеси как-нибудь.

Я пообещала и вышла. На улице у стены сидела Лейна с ребёнком; видимо, пришла поговорить ещё раз, уже без хозяина. Она поднялась при виде Селин. Я прошла мимо, оставляя им время договориться о собственном дворе.

В мастерской Тесса принимала оплату. Швея держала лампу обеими руками и внимательно слушала, как менять маленькую запасную вставку. Я остановилась возле двери, не снимая пальто. Тесса закончила объяснение, дала женщине подписать получение и только потом повернулась ко мне. На её столе лежали честно заработанные монеты. Я не спросила, сколько получилось. Она сама расскажет, если захочет.

Глава 5. Вечер, который мы оставили себе

К пятнице у Бренна освободили место возле второго окна. Там раньше лежали длинные металлические полосы, и мне каждый раз приходилось протискиваться боком. Теперь полосы перенесли на стену, поставили стол и несколько разных стульев. Орен принёс ещё одну скамью из соседнего дома. На неё сели Тесса и Нира, обе с тетрадями на коленях.

Селин опаздывала. Она договаривалась с Фоем о дымоходе, и Нира то и дело смотрела на дверь. Я заняла место рядом с Тессой. На столе стояла миска с сухими яблоками; Бренн отодвинул её, освобождая место для книги расходов, но Орен вернул миску ближе к середине.

— Поесть ещё успеем, — сказал Бренн.

— Кому-то сразу на работу. Пусть берут.

Бренн не возразил. Открыл книгу на странице с предстоящими покупками и подождал, пока я запишу сумму. Он уже не закрывал цифры ладонью, когда рядом сидел кто-то ещё. От этого разговор не стал легче: теперь всем было видно, сколько у артели осталось денег после выплаты по старому займу.

Орен предложил объединить закупки шпата. Вместе можно было брать большую партию и делить перевозку. Я принесла расчёт по своим восьми мешкам и положила его рядом с книгой.

— Большая партия не обязательно лучше маленькой, — сказала я. — Если она окажется такой же, мы получим больше работы по возврату.

— Зато проверим вместе, — ответил Орен. — У меня нет ваших оправ. Есть только то, что продавец написал на мешке.

С другого конца стола заговорила Лора Венн, мастер по водяным устройствам. Я прежде встречала её на рынке деталей, но до сегодняшнего дня знала только имя. Она была невысокая, с широкими ладонями и грубым шрамом у основания большого пальца. На платье возле локтя темнела полоска воды — Лора пришла прямо с ремонта насоса.

— Мне много не нужно. Но если общий запас будет лежать здесь, а я каждый раз ждать ключ, толку не получится.

Орен показал на крючки у двери.

— Здесь два ключа. Мой и Бренна.

— Я понимаю. А если оба на монтаже?

Бренн поднял голову. Я ждала, что он скажет о чужих руках возле инструмента, но он только спросил, сколько раз в неделю ей понадобится доступ. Лора начала объяснять, и вскоре выяснилось, что маленькая мастерская не может заранее знать, в какой день прорвёт трубу у богатого заказчика. Ей нужен собственный небольшой запас, а общая закупка — для его пополнения.

Тесса сидела, прижав карандаш к тетради, и пересчитывала свою долю. Бренн дождался, пока она закончит, затем спросил, сколько записать.

— Пока столько, — сказала она и назвала объём. — Мне ещё нужно оставить на стекло.

Бренн внёс число рядом с её именем. Я взглянула на Тессину тетрадь: одна цифра была зачёркнута, над ней стояла меньшая. В эту закупку она вкладывала первые собственные заработки, и мне хотелось, чтобы осторожный расчёт её не подвёл.

Вошла Селин. Она сняла платок, огляделась и села возле Ниры. Та сразу спросила о дымоходе.

— Старую трещину чинит он, надстройку оплачиваем мы. Топливо будет под отдельным навесом, его делают за счёт трёх жильцов. Я ничего не подписала. Принесла чистовую копию.

Нира взяла лист, быстро нашла нужную строку и выдохнула. Только после этого достала карандаш для общего расчёта.

Мы просидели почти два часа. Запаса каждого хватало на разное время. Лоре нужны были два небольших накопителя немедленно; мне — сырьё на весенний монтаж; Тессе достаточно было понемногу пополнять свои лампы. Селин хотела знать, не повлияет ли качество зерна на контроль новой печи. Орен считал перевозку, Бренн — тару и место хранения.

Когда мы сложили потребности, сумма перестала казаться удобной. Перевозка действительно дешевела, но кто-то должен был заранее внести деньги за всех. Бренн предложил взять платёж на артель и замолчал, посмотрев в свою книгу.

Орен не стал напоминать ему прошлую зиму. Просто повернул страницу к нам.

— Эта часть уже обещана людям за сделанную работу. Её не трогаем.

— Я вижу, — сказал Бренн.

— Тогда каждый вносит своё. Мы только собираем заказ.

Я подумала о Лисандре и новом проходе. Если бы у меня был городской аванс, общий платёж можно было внести сразу. Но я отказалась брать деньги до расчёта, и теперь этот отказ означал ещё одну задержку. Я не собиралась отменять его только потому, что за столом на меня смотрели друзья.

— Мне ещё должны вернуть сто сорок четыре марки, — сказала я. — Пока их нет, я внесу меньше. Остальное после возврата.

Лора откинулась на спинку стула.

— А мне ждать нечем. Мне завтра нужен материал.

Мы так и не нашли решения, которое подходило бы всем. Лора оставила заявку на следующую партию, а за срочным запасом решила идти к своему прежнему поставщику. Она не обиделась и не стала оправдываться. У неё была работа, за которую платили только после исправного насоса.

Когда разговор подошёл к хранению, Нира спросила, кто отвечает за разницу веса. Бренн сказал, что весы хорошие. Нира покачала головой.

— Я не о весах. Если мешок отсыреет, мы купим воду. Если после переборки половина уйдёт в отходы, тоже кому-то придётся платить.

Я посмотрела на свои записи. Вчера мне казалось, что достаточно собрать мастеров и показать им опыт. Сегодня каждый вопрос открывал ещё одну часть работы, которой никто не хотел заниматься бесплатно.

— Нам нужен человек, который умеет это оформить, — сказала я. — Иначе мы опять будем договариваться после того, как потеряем деньги.

Орен назвал Весту Ранн, поверенную ремесленной палаты. Она помогала его знакомому расторгнуть плохой договор на железо. Бренн сразу спросил о цене. Орен не знал точной суммы, только предупредил, что бесплатной консультации не будет.

Мы решили собрать вопросы и узнать стоимость. Общая закупка ещё не состоялась. Но к концу встречи у каждого была записана собственная доля, а у меня — список того, что я могу проверить сама и чего мои приборы не покажут.

Перед уходом Тесса задержалась у стола. Бренн дал ей копию записи, и она внимательно сравнила числа с тетрадью.

— Если за доставку выйдет больше, я уменьшу долю, — сказала она мне уже на улице.

— Тогда предупреди Орена до того, как он отправит общий заказ.

Тесса кивнула и убрала лист в сумку, рядом с тетрадью.

Мы дошли вместе до поворота. Она пошла к заказчице проверить установленную лампу, я — закрывать мастерскую. Впереди оставался вечер, который я впервые за неделю действительно не собиралась отдавать работе.

***

К Дарену я пришла с маленьким свёртком. По дороге купила мягкий сыр с травами и долго выбирала между двумя кусками, хотя понимала, что дело вовсе не в сыре. Мне хотелось

принести что-то, что он будет рад видеть на своём столе. После нескольких месяцев совместных ночей это желание не стало спокойнее.

Он открыл дверь в простой рубашке, с закатанными рукавами. В комнате пахло печёной морковью и луком. Я сняла пальто, передала ему свёрток и сразу заметила, что он переставил стул, который обычно стоял у стены. Теперь два стула были придвинуты к столу с соседних сторон.

— Мне помочь?

— Почти всё готово. Только хлеб нарезать.

Я вымыла руки, взяла нож. Дарен доставал противень, осторожно придерживая его через толстую ткань. На мгновение поморщился, меняя хват. Я посмотрела на плечо, но он сам сказал, что сегодня долго работал над высокой опорой и теперь рука устала.

— Сядь, я переложу.

Он уступил мне место у печи. Я разложила овощи, сняла с маленькой кастрюли крышку и увидела рыбу. Дарен спросил, не слишком ли много лука. Я ответила, что люблю лук, и только тогда вспомнила: мы уже говорили об этом зимой. Он запомнил.

За ужином я рассказала о печи Селин и Ниры. О мешках говорить не хотелось, и Дарен не спросил. Он слушал, как Нира выбирала место для стола, а потом рассказал о комнате Веды. Сестра прислала короткую записку с обозным посыльным: если мы соберёмся, она просила назвать неделю и предупредить, нужны ли отдельные постели.

Я почувствовала, как нагрелись щёки. Дарен заметил и опустил глаза к тарелке, давая мне время.

— Что ты ей ответишь?

— Сначала хотел спросить тебя.

Я положила нож. Вроде бы ответ был очевиден: мы спали вместе, говорили о поездке и любили друг друга. Но в доме его сестры это становилось частью чужой обычной жизни, где я ещё не знала, куда ставить обувь и как обращаться с хозяевами. Мне вдруг захотелось понравиться женщине, которой я пока не видела.

— Мне хорошо с тобой в одной комнате, — сказала я. — Если Веде это удобно.

— Ей удобно. Она спрашивает, что приготовить.

Я кивнула и взяла кружку. Дарен протянул руку через стол, коснулся моих пальцев. Я посмотрела на него.

— Я волнуюсь, — призналась я. — Из-за встречи с ней.

— Я тоже.

— Ты?

Он некоторое время смотрел на наши руки.

— Давно не был у неё дома. Всё время писал, что приеду, когда станет спокойнее. Потом находилась работа.

Я не спросила, только ли в работе было дело. Дарен убрал со стола пустую миску, вернулся и сел ближе.

— Она знает, что у меня бывают тяжёлые ночи. Но я не знаю, как это будет там. В дороге. В чужом доме.

— Мы можем остановиться отдельно, если тебе станет неудобно.

— Можем. Я хочу попробовать пожить у неё.

— Тогда попробуем.

Он сжал мою ладонь. Вода в чайнике зашумела, и мы ещё немного посидели, не разнимая рук, пока под крышкой не стало тихо постукивать.

Мы убрали посуду вместе. Он мыл, я вытирала; на второй тарелке я обнаружила маленькую трещину и поставила её отдельно. Дарен сказал, что хотел отнести в ремонт ещё зимой,

потом забыл. Я предложила взять с собой. Он согласился, а затем достал с полки две простые чашки — целые, разные по цвету.

После ужина мы сели у окна. Снаружи уже темнело. На другой стороне улицы женщина закрывала лавку, вытягивая из дверного проёма тяжёлый деревянный щит. Дарен предложил пройтись, но я покачала головой. Мне нравилось сидеть в его комнате, зная, что сегодня никто не ждёт меня у верстака.

Я сняла туфли и поджала ноги на краю широкой скамьи. Дарен положил рядом сложенное одеяло, чтобы мне было мягче опереться спиной. Потом сел так близко, что его бедро касалось моего. Мы некоторое время смотрели на темнеющую улицу. Внизу хлопнула дверь, кто-то прошёл с ведром, и я услышала, как вода плеснула на камни.

На подоконнике стоял глиняный горшок с сухой землёй. Я провела пальцем по ободку и спросила, что здесь росло.

— Ничего пока. Веда прислала семена, я убрал их так надёжно, что нашёл только вчера.

— Какие?

Он наклонился к ящику под скамьёй и достал сложенный пакет. На нём рукой Веды было написано «вечерница». Я осторожно высыпала несколько зёрнышек на ладонь. Они были маленькие, угловатые, совсем не похожие на цветы, которые я помнила в соседском саду.

— Они пахнут к вечеру, — сказала я. — Можно поставить у открытого окна.

— Здесь почти весь день тень.

— Тогда утром выносить во двор. Ты бываешь дома раньше меня.

Дарен посмотрел на горшок, потом на меня.

— Посадим завтра?

Я кивнула, вернула семена в пакет. Мне хотелось увидеть здесь цветы; хотелось приходить летом и находить окно открытым. Я прислонилась к его плечу, а он провёл ладонью по моим волосам, убирая прядь с лица. Мы ещё немного говорили о дворе, о том, где поставить горшок, чтобы его не задели ведром. Потом я повернулась на скамье, коснулась его щеки и поцеловала. Он сначала ответил осторожно, потом притянул меня ближе. Я чувствовала его ладонь у себя на спине, тёплую ткань рубашки под пальцами, неловкий край подушки, который мешал придвинуться. Мы убрали подушку, и я тихо выдохнула ему в шею.

Дарен посмотрел на меня. В комнате было достаточно светло, чтобы видеть его лицо, и недостаточно, чтобы мне захотелось отворачиваться от собственного желания. Я расстегнула верхнюю пуговицу на его рубашке. Он коснулся моего запястья, задержал пальцы, затем поцеловал внутреннюю сторону ладони.

— Останешься? — спросил он.

— Я для этого и пришла.

Мне не пришлось добавлять про утро и работу. Дарен встал, помог мне подняться. Я обняла его за шею, почувствовала, как он ненадолго прижался лбом к моему виску. Потом он погасил лампу у окна, и мы прошли в соседнюю комнату, держась за руки.

***

На рассвете я проснулась от того, что Дарен встал. Он не зажигал свет, но в щель между занавесками уже проходила бледная полоса. Я услышала воду в кувшине, движение стула и некоторое время лежала, прислушиваясь. Раньше я сразу поднялась бы за ним. Теперь подождала.

Он вернулся через несколько минут, сел на край постели. Я коснулась его спины там, где видела её под рубашкой, и спросила, как он.

— Сон плохой. Уже отпустило.

— Хочешь, я встану?

— Нет. Можно я просто лягу рядом?

Я отодвинулась, освободила ему место. Дарен лёг на бок, лицом ко мне. Некоторое время глаза у него оставались открытыми, потом он притянул мою руку к груди. Я чувствовала под ладонью дыхание, постепенно становившееся ровнее. Мне было жаль, что хорошая ночь не защищала его от тяжёлого утра. Вместе с тем я не хотела отдавать страху всё, что было между нами.

Когда он уснул, я ещё немного смотрела на его лицо. Утренний свет делал заметнее седину у виска и небольшую складку возле рта. Я любила его так близко, без привычного пальто, без служебной сумки и готового ответа. Потом закрыла глаза сама.

Мы встали позднее, чем собирались. Дарен сварил кашу, я отнесла треснувшую тарелку к своей сумке и забыла там до самого выхода. На столе осталось письмо Веды. Перед тем как уйти, он приписал к ответу ещё несколько строк и дал мне прочитать: мы надеемся приехать вместе, неделя уточнится после решения о дороге.

Я дописала приветствие от своего имени. Почерк у меня с утра был неровный, и последняя буква вышла слишком большой. Дарен подождал, пока высохнут чернила, затем сложил лист и вложил в конверт.

Глава 6. Письмо с горной дороги

Ларен Досс принесла фонарь в корзине из-под хлеба. Из-под полотенца торчала погнутая ручка, стекло было стянуто двумя полосами кожи. Я увидела корзину раньше, чем хозяйку: та поставила её на мой стол и некоторое время держала здоровой рукой, словно боялась, что без поддержки она опрокинется. Второе запястье было забинтовано.

— Его можно к завтрашнему утру? — спросила она.

Я отложила перо. Субботнее утро уже закончилось, а я ещё не переписала расчёт для лечебницы. На коленях лежала бумага с двумя зачёркнутыми строками; под столом стояла сумка с тарелкой Дарена, которую по дороге я так и не отнесла гончару.

— Сначала посмотрю. Он ваш?

— Обозный. Я отвечаю за него, пока не вернусь.

Ларен сняла полотенце. Кожа держала не только стекло: под ней пряталась деревянная распорка, упиравшаяся в край входного кольца. Я попросила её оставить корзину и отступить от стола. В накопителе ещё оставался заряд. Пришлось сначала снять его на поглотитель, потом осторожно ослабить перевязь. Стекло сразу отошло от оправы; Ларен подхватила его левой ладонью, я успела подложить ветошь.

— Мы так возили воду, — сказала она. — Другой был у людей наверху. А ночью по дороге без света нельзя, там край сошёл.

— Возле рейстских выработок?

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Откуда знаете?

Я рассказала о зерне и ответе поставщика. Ларен слушала, стоя у стола, и всё время поправляла край рукава над повязкой. Я предложила стул. Она села только после того, как я убрала с него свои бумаги.

— Дорогу завалило, это правда. Не всю. Верхнюю выработку тоже закрыли. Но я не знаю, что они вам положили в мешки.

— Вы были там, когда обрушилось?

— У нижнего поворота. Пыль пришла раньше, чем мы услышали. Я подумала, телега впереди перевернулась. Потом увидела, как люди бегут к воде.

Ларен провела пальцем по ручке корзины. На ногте у неё осталась светлая полоска; она стёрла её о юбку.

Я перестала разбирать фонарь. Из двора доносилось, как Тесса разговаривала с заказчицей о сроке следующей лампы. Здесь, в тёплой мастерской, мне было трудно представить дорогу, которая ещё минуту назад лежала под колёсами, а потом исчезла. Я знала обвал как слово в оправдании Сейна. Ларен пришлось разворачивать телегу на узком месте и искать бочки, из которых можно было вылить питьевую воду вёдрами.

— У вас там кто-нибудь остался? — спросила я.

— Муж с обозом. У них две лошади захромали. Я привезла бумаги и поеду обратно с лекарствами, если возьмут попутно. Пока рука не даёт вожжи держать.

Она сказала это с досадой, словно запястье мешало ей уже слишком долго и могло бы перестать. Я посмотрела на фонарь. Верхнее кольцо было погнуто, но удерживающая часть сохранилась. Заменить разбитое стекло и выправить крепление можно было сегодня. Сырьё, из-за которого остановилась половина моих расчётов, для этого не требовалось.

— До вечера сделаю. Потом нужно будет зарядить и проверить. Заберёте завтра, если выдержит полный проход.

Ларен спросила цену. Я назвала работу и стекло отдельно, записала сумму на клочке бумаги. Она пересчитала монеты одной рукой, одну уронила. Монета закатилась под верстак;

мы обе наклонились, и Ларен резко выдохнула. Я достала её сама и положила на стол рядом с остальными.

— Не надо сразу всё. Остаток при получении.

— Я не прошу скидку.

— Я беру аванс за стекло. Так и записано.

Она посмотрела на запись и заплатила. Когда я протянула ей квитанцию, Ларен вдруг вспомнила про письмо.

В сумке, притянутой к поясу, лежало несколько плоских пакетов. Один предназначался ремесленной палате. В нём была копия сообщения смотрительницы участка, которое Ларен разрешили показать покупателям сырья. Она вынула лист, разгладила его на чистом месте и попросила только не ставить на него чашку.

Подпись я прочла дважды: Нарис Эльд. Ниже стояла печать участка Каменный Брод. Верхняя выработка закрыта до укрепления прохода; нижние места продолжают работу, но вывезти всё сразу нельзя. Далее шёл перечень людей, уполномоченных отвечать на запросы, и отдельное предупреждение о партиях, отправленных до обвала. Их свойства не менялись от того, что случилось на дороге позже.

— Можно переписать этот кусок?

— Перепишите. Только весь, где про партии. Мне велели не вырывать одну строку.

Я взяла новый лист. Нарис писала, что после обвала со двора действительно отгружали раздельно подготовленное зерно и мелкую фракцию для дополнительной переборки. В сопровождающих книгах они должны идти разными строками. Само слово «мелочь» не означало, что материал непригоден; для каждой части сохранялись номер, масса и отметка проверявшего. Про наш восьмой мешок, торговый дом Лосса и эвернскую поставку в письме не было ничего.

Ларен следила за пером. Ей было важно вернуть лист целым, и я переписала его без исправлений, даже оставила странное для нас сокращение возле весовой записи. Внизу указала, у кого видела копию. Письмо пахло кожей и влажной шерстью.

— Нарис сама это писала?

— При мне подписывала. Я её не знала прежде. Она нашла нам место для лошадей, когда мы остались без дороги.

Я вернула документ. Ларен сложила его по прежним сгибам, убрала в пакет и наконец откинулась на спинку стула.

— Она там почти не спала, — сказала она. — К ней всё время шли. Одному платить нечем, у другого брат наверху. А тут ещё покупатели требуют, чтобы им ответили прежде всех.

Я отложила свой расчёт потерь и положила рядом с копией чистый лист. Написала имя смотрительницы, затем несколько раз перечла сообщение об обвале, прежде чем задать первый вопрос.

***

После ухода Ларен я разобрала фонарь до корпуса. Тесса вернулась из двора и принесла мне обед в глубокой миске: соседка варила похлёбку на несколько домов, и мы иногда покупали у неё порцию, когда не успевали дойти домой. Лук был ещё твёрдый, картофель разварился. Я ела одной рукой, другой придерживая раскрытое письмо с рынка Эрлена.

Его доставили, пока я работала над оправой. Рыночный совет откладывал заказ шести фонарей. Один из владельцев опор отказался разрешить крепление, а новое основание увеличивало цену настолько, что требовалось общее собрание торговцев. Я прочла первую страницу, почувствовала, как опустились плечи, и только потом перевернула лист.

Осмотр предлагали сохранить. Совет готов был заплатить за обследование площади и два варианта размещения: с прежними опорами и с отдельными основаниями. Прилагался срок — не к весеннему торгу, как прежде, а к следующему заседанию через шесть недель. За дорогу,

работу и чертежи предлагали семьдесят две марки, половину перед выездом, остальное после получения отчёта.

Я подвинула миску. При таких условиях поездка переставала зависеть от того, получу ли я когда-нибудь весь заказ. Но семьдесят две марки выглядели хорошо только до тех пор, пока я не начала считать дни.

Девять туда, восемь обратно. Осмотр площади, разговор с владельцами, время у Веды. Если ехать к участку — ещё несколько дней. В письме о дороге Ларен отметила два места, где обоз теперь ждал светлого времени суток. Три недели, о которых я говорила Дарену в понедельник, складывались лишь без единой задержки и почти без самой работы.

Я достала календарь и провела черту на двадцать восьмой день от предполагаемого выезда. Тесса взглянула на лист.

— Вы уедете на месяц?

— Если приму это предложение. Меньше обещать уже не хочу.

— Тогда вторую лампу для красильщика я возьму. Он спрашивал, когда вы вернётесь, но ему нужен небольшой светильник.

Она придвинула ко мне свой рисунок. Высота, нагрузка и крепление укладывались в её допуск; необычным было только место установки, под навесом у стены. Мы обсудили сырость и то, как заказчик снимает прибор на ночь. Тесса записала два вопроса к нему и унесла рисунок. Я снова посмотрела на календарь. Мастерская могла работать без меня, но с привычными зимними расходами и невыплаченным авансом месяц дороги давался нелегко.

К вечеру я дошла до обозной конторы. Там было жарко от людей и мокрых плащей. На скамье у стены спал мальчик, прижимая к груди пустую коробку; рядом его мать спорила о цене места для больного отца. Я подождала у двери, пока закончили с ними, потом попросила назвать цену на Эрлен и обратно.

Конторщик отсчитал дни по дощечке, поднял голову и спросил, сколько поклажи. Я показала размер сумки с приборами. С едой на постоялых дворах, местом и обратной дорогой выходило тридцать шесть марок. Ночлеги вне общего пути, задержки и лишний сундук оплачивались отдельно.

— А если дорога стоит два дня?

— Место ваше. Еду покупаете сами.

Я записала ещё девять марок на непредвиденное. До сорока пяти оставалось достаточно, чтобы пару ночей прожить не у Веды, если гостям станет тесно. Но на новый товар из этой суммы ничего не оставалось, а две недели заработка мы с Ниланом теряли даже при хорошем ходе дел.

У выхода я задержалась возле женщины с коробкой. Она уже не спорила, просто сидела, положив руки на колени. Мальчик проснулся и тянул её за рукав. На полу у его ног стояла плетёная клетка с двумя курами; они шевелились в темноте, царапая дно.

Я вспомнила, как во время войны люди приезжали в Эверн с вещами, которые никто не захотел бы покупать, и всё равно платили за них перевозчикам. Взять с собой целый дом было невозможно. Оставить последнюю привычную вещь — иногда тоже.

На улице я купила яблоко и съела по дороге, глядя под ноги. Мне не хотелось приходить к Дарену с одним лишь расчётом и тем ожиданием, которое я уже успела возложить на его сестру. Я остановилась возле почтовой лавки, ещё раз прочла предложение рыночного совета и вернулась в мастерскую за чистой бумагой.

***

Дарен застал меня над двумя письмами. Фонарь Ларен стоял во дворе под наблюдением Тессы; новое стекло слегка отличалось оттенком, но держалось плотно. Я закончила первый проход, оставалось посмотреть вечернюю отдачу и повторить проверку утром. Дарен заглянул в открытую дверь, увидел меня и спросил, не мешает ли.

— Нет. Мне как раз нужно тебе показать.

Он сел рядом, прочитал предложение Эрлена. Я рассказала о месяце вместо трёх недель и о цене дороги. Дарен не стал сразу доставать кошелёк. Он спросил, сколько мне нужно оставить в мастерской, и я показала отдельную строку: жалованье Нилана за согласованные дни, топливо, аренда. Эти деньги уже лежали в конверте и в дорожный расчёт не входили.

— А эти четырнадцать? — спросил он.

— Добавлю к дорожному авансу из своих. Из них пять останутся на первые покупки дома, если обратная дорога обойдётся дороже.

— Значит, тебе нужно пятьдесят, а не сорок пять.

Я посмотрела на лист и переписала итог. Мне неприятно было видеть, как быстро дорога съедала то, что казалось доходом. При удачном возвращении оставалось двадцать семь марок до оплаты собственного времени; при задержке — меньше.

— Ты всё ещё хочешь ехать? — спросил Дарен.

Я посмотрела на окно. Тесса стояла во дворе возле фонаря; на её рукав ложился последний прямой свет. В другой части города Бренн с Ореном уже собирали цифры для закупки. Селин ждала, во что обойдётся контроль печи. Я могла принять маленький заказ, заработать немного и вернуться, не увидев ничего, кроме рынка. Могла потратить несколько дней на участок и хотя бы понять, что мы покупаем.

— Да. Но за чужой счёт собирать пробы не буду. Если мастерам нужны результаты, предложу разделить только эту часть дороги. Рыночный совет платит за свою площадь.

— Моё поручение тоже отдельно. Служба оплачивает место до Эрлена и осмотр двух обозных накопителей. Дни у Веды — мои. К Каменному Броду я смогу поехать, если успею закончить осмотр и получу разрешение на продление.

— Тебе обязательно быть со мной на участке?

— Нет. Я хочу увидеть, как они сортируют. Но могу приехать позже.

Мне понравилось, что он сказал «хочу». Я подвинулась на скамье, освобождая ему место ближе к свету. У него на щеке ещё был след холода, и я коснулась его пальцами. Дарен поймал мою руку, прижал к губам и некоторое время держал.

— Веда будет рада, что мы всё-таки едем, — сказал он.

— Я ещё не приняла предложение.

— Знаю. Ты уже третий раз перечитываешь, где подписать.

Я опустила глаза к письму. На нужном месте действительно лежал мой палец. Дарен не торопил; отпустил мою руку и стал поправлять ремень своей сумки, на котором разошёлся край шва. Я взяла перо и написала согласие на обследование, с условиями оплаты, сроком отчёта и отдельной строкой о том, что это не обещание изготовить шесть фонарей по зимней цене. Потом попросила прислать аванс через эвернского представителя, чтобы не ждать обратного обоза ещё девять дней.

Второе письмо было труднее. Я обратилась к Нарис Эльд, назвала свою работу и предложила приехать после завершения городского осмотра. Спросила, можно ли увидеть сортировку и приобрести небольшие образцы разных фракций с их обозначениями. Указала, что не прошу открыть опасную выработку или оставить людей ради меня. Претензию к Лоссу описала коротко: одинаково названный материал дал разные результаты, мешки возвращены, вопрос денег не решён.

Я не знала, ответит ли она. В конце пожелала выздоровления пострадавшим и написала, что привезу лекарства с обозом Ларен, если перевозчице понадобится помощь с посылкой.

Дарен читал только рыночное письмо. Второе я сложила сама. Снаружи Тесса позвала проверить отметку времени, и мы вышли во двор вместе. Фонарь Ларен горел ровно. Свет проходил через новое стекло, ложился на мокрые камни и край корзины, где теперь лежала снятая кожаная перевязь.

Я проверила запись, закрыла контрольное окошко. До утра оставалось достаточно работы, чтобы занять руки; письма уже лежали на столе, готовые к отправке. Когда мы вернулись в комнату, Дарен поднял мою сумку и осторожно достал забытый свёрток.

— Тарелку завтра отнесу сам, — сказал он.

Я кивнула. Вместе с ней он взял пакет с семенами вечерницы, который утром сунул мне в сумку, и положил на подоконник, чтобы мы снова не забыли.

Глава 7. Цена вечернего света

К понедельнику на окне Дарена стоял горшок с влажной землёй. Семена мы всё-таки посадили в воскресенье, перед тем как я вернулась выдавать фонарь Ларен. Ничего ещё не взошло, но он отодвинул занавеску, чтобы на горшок падал свет, а я поймала себя на том, что смотрю туда всякий раз, когда прохожу мимо его дома.

Утром я принесла ему забытую перчатку. Он уже ушёл, и соседка позволила оставить её на крючке возле двери. На кухонном столе сохла вымытая тарелка с прежней трещиной, аккуратно закреплённой двумя скобками. Я постояла на пороге комнаты, в которой провела ночь, затем закрыла дверь и пошла на работу. В собственном доме меня ждала стирка, и от мысли о двух лестницах, двух печах и вещах, постоянно оказывавшихся не там, я впервые устала больше, чем от дороги между ними.

Леон Фальк ждал у мастерской. Под мышкой у него была папка, пальто на груди промокло от мелкого дождя. Я открыла дверь, предложила повесить его возле печи, но он сказал, что ненадолго, и сразу попросил стол.

— Вы написали: новая цена ещё неизвестна. Я так и оставил в заметке. Теперь принёс две.

Он положил передо мной письма. Одно прислал северный перевозчик, с которым Леон переписывался ещё зимой; второе дала местная лавка, продававшая зерно из собственных остатков. Я прочла суммы и первым делом увидела разницу почти в треть. Уже собиралась сказать об этом, но рядом с дешёвой ценой стояло «с двора», а возле дорогой — «с доставкой и переборкой».

— Это разные товары, — сказала я.

— Поэтому я пришёл. В редакции мне уже объяснили, что торговцы наживаются. В торговом доме объяснили, что ремесленники не умеют считать. Мне хотелось бы напечатать что-нибудь ещё.

Я придвинула письма к свету. У перевозчика материал отпускали по весовой мерке: одинаковой доле принятого торгового фунта. В лавке слово употребляли так же, хотя насыпали зерно в мерную чашку и потом довешивали. За объём без контрольного веса шпат обычно брали только для учебной работы; пустоты между крупными кусками иначе обходились покупателю слишком дорого. Я попросила Леона записать «весовая мерка», чтобы читатели не сравнивали её с кухонной.

Дальше оказалось сложнее. Северный продавец обещал только отделить посторонний камень. Из оставшегося ещё предстояло выбрать фракцию, подходящую для моего рисунка. Лавка продавала уже подготовленный запас, но его хватало лишь на небольшую партию. Я показала Леону две чашки на полке: в одной ровное зерно, в другой мелочь, которая требовала иных креплений и другого времени проверки.

— Мелочь дешевле не потому, что совсем не светит, — объяснила я. — Просто я не могу высыпать её в прежнюю оправу и оставить тот же срок работы. Мне понадобятся переборка, новые вставки, повтор. Вот это всё человек тоже оплачивает.

— А если написать, что выход пригодного заранее неизвестен?

— Для конкретной работы — да. Только не ставьте рядом число, которого мы не измеряли.

Леон провёл черту под суммами. Потом попросил назвать плату за доставку, которую я получила в обозной конторе, и уточнил, можно ли привести её в пример. Я разрешила указать дорогу и цену места без моих личных расходов. Он записал дату: после дождей цена могла измениться, как и время пути.

Мы закончили, когда пришёл Нилан. Он принёс новую полоску металла для лечебницы и сразу положил её на стол поверх газет. Леон отодвинул бумаги, извинился и начал собираться. В дверях остановился.

— Сегодня Лосс будет в торговом собрании. Тот, кто подписывает ответы Сейна. Он согласился говорить с покупателями после полудня.

— Мне туда можно?

— С вашей накладной — да. Это не закрытое заседание. Только он не обещал решать все претензии на месте.

Я посмотрела на часы. До обеда нужно было закончить смету, проверить у лечебницы два места и дойти до лавки за крепежом. Мне не хотелось снова тратить день на зерно, которое я уже вернула. Но ответ о моих деньгах теперь зависел от человека, которого я ни разу не видела.

— Приду, — сказала я.

***

Торговое собрание заняло нижнюю залу бывшего постоялого дома. После военного пожара у него восстановили только первый этаж; над окнами остались заложенные кирпичом отверстия, а в углу потолок поддерживала временная балка, потемневшая за несколько лет. На ней кто-то повесил мокрый плащ. Слуга подошёл, снял его и отнёс на вешалку.

Я села возле прохода. Леон стоял у стены и разговаривал с невысоким мужчиной в сером жилете. Мужчина держал в руках очки, слушал, слегка наклонив голову, затем что-то записал на обороте карточки. Я подумала, что это секретарь, пока Сейн не подошёл к нему с папкой и не дождался, чтобы тот освободился.

Ирвен Лосс оказался моложе, чем я представляла. У него были светлые брови, тяжёлая нижняя губа и очень чистые руки. На безымянном пальце виднелась светлая полоса от недавно снятого кольца. Он не говорил громко. Когда разговоры в зале затихли, поблагодарил людей за ожидание и попросил сначала закончить вопрос с повреждённым грузом стекла.

Два покупателя спорили с возчиком о ящиках. Один утверждал, что стекло треснуло ещё до отправки, другой показывал мокрую солому. Лосс выслушал обоих, велел принести приёмную запись и не стал назначать виновного прежде, чем секретарь нашёл дату. Это заняло почти четверть часа. Я успела остыть после дороги и почувствовала холод у щиколоток.

Когда дошло до шпата, вопросы посыпались сразу. Люди говорили о задержках, авансах, наёмных рабочих, которых приходилось отпускать. Лосс поднял ладонь, попросил по одному. Сейн стоял у его стула и подавал документы, иногда наклоняясь к самому уху.

— Верхняя выработка закрыта, — сказал Лосс. — Перевозка с нижних идёт другой дорогой. За прежнюю цену я могу обещать вам груз, который не приедет. За новую — то, что удастся вывезти. Я предпочитаю второе.

Кто-то спросил, почему тогда одному мастерскому дому продали три партии, а другим не дали ни одной. Лосс назвал старый договор и внесённый заранее платёж. В зале недовольно заговорили. Я ждала, пока человек передо мной закончит, и всё крепче сжимала угол накладной.

— Эйра Вейл, — назвала я себя, когда Лосс посмотрел в мою сторону. — Моя партия уже возвращена. По договору я покупала однородное подготовленное зерно. Проверка показала большой разброс. Мне нужно знать, когда вернут аванс.

Сейн быстро нашёл лист. Лосс прочёл его, потом поднял глаза.

— Назначенная дата ещё не прошла.

— Я знаю. Хочу убедиться, что это дата платежа, а не начала нового разговора.

— Это дата решения по претензии. Так стоит в расписке.

Я почувствовала, как люди рядом перестали шевелиться. Мне хотелось сказать, что свои деньги я внесла без всякой даты решения. Но Лосс уже повернулся к Сейну и спросил о независимых пробах.

— У Морв, — ответил тот. — Четыре из восьми. Заключение ещё не выдано.

— Тогда дождёмся заключения. Если описание партии не подтверждается, договор предусматривает возврат.

— И доставка обратно?

— По вине продавца — наша. При отказе покупателя от соответствующего товара — его. Это тоже в договоре.

Он говорил ровно, без раздражения, и от этого я чувствовала себя ещё более уязвимой. Мне приходилось вслух объяснять перед незнакомыми людьми, почему я не должна платить за ошибку, которой не совершала. Сейн посмотрел на мои руки и отвёл глаза.

— Я пришлю вам ответ отдельным письмом, — сказал Лосс. — Сегодня я не могу заменить заключение испытательницы вашим опытом или своим обещанием.

Он вернул лист Сейну. Я села. Накладная помялась, и я расправляла её на коленях, пока сосед говорил о насосе, остановленном из-за отсутствия запаса. У меня ещё оставалось зерно на ремонт. У него на столе лежали три неоплаченных заказа и требование хозяина помещения освободить мастерскую.

После собрания Лосс задержал меня возле двери.

— Госпожа Вейл. Я знаю ваши фонари. Вы работали с восстановительным фондом.

— Работаю.

— Тогда вам важна предсказуемость цены. Мы готовим предложения для постоянных мастерских. Отдельная очередь, резерв на сезон, возможность внести плату частями.

Сейн стоял рядом, держа пальто Лосса. Я посмотрела на него, потом снова на владельца торгового представительства.

— Сначала я хочу закончить эту покупку.

— Разумеется. Я не предлагаю обменять претензию на новый договор.

Он дал мне карточку. На обороте стояло имя уполномоченного в Эверне и часы приёма. Внизу мелкими буквами было напечатано, что условия резерва предоставляются по письменному запросу.

Я взяла карточку и убрала отдельно от накладной. Лосс уже разговаривал с другим человеком, не удерживая меня. У выхода Леон спросил, можно ли упомянуть мой вопрос в заметке. Я разрешила описать спор без вывода о его результате.

На улице шёл дождь. Я стояла под узким козырьком, ждала, пока пройдёт телега, и пыталась понять, почему после спокойного разговора у меня так дрожали пальцы. Дело было не только в ста сорока четырёх марках. Лосс мог ждать заключения, следующего заседания, новой партии. У меня каждое ожидание превращалось в вечер, когда я считала, какую работу ещё можно взять из оставшегося материала.

***

К лечебнице я пришла позже условленного. Риана Велл встретила меня у задней двери, на ходу завязывая передник. Ей нужно было вернуться в отделение, и мы осматривали проход быстро, пока дежурный держал двери открытыми.

Без выступающего железа поворот стал шире, но тёмное место осталось. Две опоры могли перекрыть вход и спуск; дальний угол потребовал бы третьего прибора. Я отметила высоту на стене мелом. Риана посмотрела, где ляжет свет, потом отвела меня на несколько шагов в сторону.

— Здесь люди ждут, если в приёмной тесно. Не загораживайте скамью растяжкой.

На скамье сидели женщина с девочкой и мужчина, прижимавший к груди шапку. Девочка спала, положив голову матери на бедро; женщина придерживала её за плечо. Я переставила сумку так, чтобы им не пришлось двигаться, и начала искать другое крепление.

— Это новые будут? — спросил мужчина.

— Да. Пока считаем два.

— А платить за них кто?

Я объяснила про фонд. Он кивнул, но продолжал смотреть на мои отметки.

— У нас в переулке сказали: соберите на обслуживание. Сосед не платит, потому что окно выходит во двор. Я плачу, потому что хожу мимо. А потом нам говорят, что для нового фонаря опять нужны деньги.

Риана задержалась возле двери. Я видела, что её ждут внутри, и сказала, что закончу сама. Она передала мне ключ от калитки и ушла.

Мужчина назвался Ивеном Роулом. Он держал маленькую переплётную лавку возле нижней дороги и возил жену на перевязки. Свет помогал ему довезти её вечером, но новые сборы он встречал с тревогой: после пожара ещё не починили крышу над мастерской.

— Восемь марок за год на прибор, — сказала я. — Это осмотры, мелкая замена, чистка. Если сломана вся опора или разбито стекло, может быть больше. Я не хочу обещать вам, что одной суммы хватит навсегда.

— Я не прошу навсегда. Я хочу знать, кому говорить, если погаснет. В прошлый раз деньги собрали, а женщина с книгой уехала к дочери.

Я записала его улицу. Обслуживание там вела другая мастерская; в моём списке этого фонаря не было. Ивен попросил не отдавать запись в газету. Ему не требовалось публичной ссоры с соседями, он хотел только застать человека, который откроет шкаф и достанет нужный счёт.

Я пообещала узнать у Ремиса Валла, кто принял участок. Ивен назвал день, когда снова привезёт жену. Мы договорились встретиться здесь же, если ответ не удастся передать раньше.

Когда из двери вынесли носилки, разговор закончился сам собой. Ивен встал, убрал шапку под мышку и подошёл к жене. Девочка на скамье проснулась и заплакала, потому что мать тоже поднялась. Я отступила к стене с мелом в руке, пропуская людей. На мокром камне моя отметка уже расплылась.

***

В мастерскую я вернулась голодная и злая на собственную усталость. Нилан оставил на столе готовое крепление и записку: полосу пришлось укоротить, остаток в ящике. Тесса закончила работу и собиралась уходить. Я отпустила её, заперла дверь, потом снова открыла — хотелось воздуха.

На столе лежала карточка Лосса. Я достала её из сумки вместе с накладной, и она всё время попадалась под руку. Условия резерва, отдельная очередь, плата частями. Наверное, некоторые мастерские примут это с благодарностью. Я тоже могла бы, если бы сначала вернули мои деньги и дали прочесть договор до последней строки.

Дарен пришёл, когда я уже зажгла лампу. Сначала спросил о Ларен. Я рассказала, что фонарь выдержал повтор, перевозчица получила его утром в воскресенье и должна уйти с лекарствами на север завтра. Потом слова о собрании вырвались сами.

Я говорила быстро, сбивалась, возвращалась к одному и тому же ответу Лосса. Дарен слушал возле печи, не снимая сумки. Когда я замолчала, он поставил её на пол и спросил, ел ли кто-нибудь из нас сегодня после полудня.

— Яблоко, — сказала я.

— Я хлеб. Давай выйдем.

Мне хотелось сначала дописать смету. Я посмотрела на лист, где уже дважды перепутала цену крепления с ценой осмотра, и закрыла чернильницу.

Мы поели в маленькой кухне возле моста. Там почти не было свободных мест; нам дали конец стола рядом с семьёй, которая приехала получать груз. Дарен сел так, чтобы видеть дверь. Я заметила, как он проверил взглядом проход, потом придвинул мою тарелку дальше от мокрого края стола. Он делал это без слов, привычно, и я тоже не стала превращать его движения в разговор.

Горячая еда помогла. Я снова могла различать то, что Лосс действительно сказал, и то, чего я испугалась. Дарен спросил о письменном ответе, я показала расписку с датой. Он прочёл и вернул.

— В тот день я смогу пойти с тобой, если нужно.

— Спасибо. Я скажу, когда узнаю время.

За соседним столом мальчик кормил младшую сестру, терпеливо ловя ложкой то, что она выплёвывала обратно. Их мать спала сидя, прислонившись к стене. Дарен смотрел на них недолго, потом отвёл глаза к окну. Я положила руку ему на колено под столом; он накрыл её своей.

На обратном пути дождь кончился. Мы шли вдоль реки, обходя глубокие лужи. Я рассказала про Ивена Роула и женщину с книгой сборов. Дарен вспомнил, что Ремис по вторникам бывает на нижней дороге, и предложил передать ему записку утром.

— А сам ты завтра куда?

— Сначала к Мерет. Потом на двор.

Он сказал это просто, как часть своего дня. Я спросила, останется ли вечером время на меня, и Дарен улыбнулся.

— Останется.

Возле его дома мы задержались. В окне темнел маленький горшок. Ни единого ростка ещё не было видно. Дарен взял мою сумку, открыл дверь и подождал, пока я сниму мокрое пальто. Я поднялась за ним по лестнице, помня про свою неоконченную стирку, но впервые за весь день не чувствуя, что обязана сейчас же вернуться и доделать всё.

Глава 8. Два фонаря

Владелица галереи пришла во вторник, когда у меня на столе ещё лежал черновик сметы для лечебницы. Она остановилась у порога, дожидаясь, пока я сниму горячее кольцо с подставки, затем положила на свободный край стола свёрток. Внутри были образец обивки, маленькая рама и рисунок комнаты.

— Мне сказали, вы умеете делать свет мягче, — произнесла она. — Чтобы белое полотно не желтело к вечеру.

Её звали Алеста Вирн. Зимой она открыла небольшую галерею в доме возле старого сада и теперь собиралась принимать посетителей после окончания рабочего дня. На рисунке я увидела высокие окна, две длинные стены и низкую перегородку. С улицы это помещение казалось просторным; внутри всё менялось из-за глубокой ниши, где свет обрывался раньше, чем доходил до конца.

Я знала этот дом. Во время войны там принимали вещи беженцев на хранение, потом часть комнат пустовала. Прошлой осенью на стенах ещё проступали номера, которыми помечали чужие сундуки. Теперь Алеста повесила там картины местных художников; однажды я видела в окне небольшой рисунок реки и остановилась, хотя спешила.

— Вам нужны два постоянных прибора? — спросила я.

— Два, если хватит. Сейчас мы вносим свечи. Они дают пятна, а люди подносят их слишком близко к полотнам.

Она развернула раму. В углу светлого грунта тянулась желтоватая полоса. Алеста провела над ней пальцем, не касаясь.

— Это ещё можно исправить. Следующий раз может оказаться хуже.

Я попросила назвать часы работы и рост самого высокого полотна. Она отвечала без торга, сразу доставала нужные размеры из папки. Когда дошло до цены, Алеста сказала, что готова заплатить за два изделия и отдельно за осмотр комнаты. Срок — до выставки в субботу. Аванс она могла оставить сегодня.

Нилан за моим плечом перестал двигать напильником. Я слышала, как он положил его на стол, и знала, что он тоже считает. Два прибора означали ровную работу, обычную высоту, сухое помещение. На один такой заказ мы могли потратить меньше времени, чем на проход с мокрыми стенами и чужими опорами. Плата за осмотр пришла бы сразу, не после заседания фонда.

— Мне нужно посмотреть зал, — сказала я. — И проверить запас.

— Когда вам удобно?

Я открыла календарь. В нём почти не осталось свободного места до предполагаемой дороги. Четырёх дней хватало бы только при готовых корпусах и старом проверенном материале. Именно их мы приготовили для прохода; сделать ещё одну пару к субботе было уже невозможно.

— Сегодня после полудня.

Она оставила рисунок и образец обивки. Раму забрала с собой, прижимая к боку осторожнее, чем человек обычно держит пустой деревянный прямоугольник. На улице уже ждала её помощница; они вместе спрятали полотно под чехол и ушли.

Нилан подошёл к столу.

— Мы успеем, — сказал он. — Корпуса можно взять те, что под проход. Крепления в зале проще.

— А проход?

— Там ещё нет заказа.

Он сказал правду, и мне стало не по себе. Я почти неделю ходила в лечебницу, приносила инструменты, записывала имена и обсуждала свет так, словно уже взялась за работу. Но денег не получила, срок не подписала, материал официально никому не обещала.

— Сначала посмотрю зал, — повторила я.

Нилан кивнул и вернулся к напильнику. Через несколько минут знакомый звук снова наполнил мастерскую. Мне хотелось, чтобы он предложил решение, от которого никто не потеряет. Он не предложил, и я продолжила считать сама.

***

В галерее пахло краской и свежим деревом. Алеста встретила меня в рабочем переднике; рукав был закатан только с одной стороны, другой она всё время придерживала, чтобы не задеть влажную раму. Пока я осматривала окна, в зал вошли двое молодых людей с большим холстом. Они долго выбирали, как пронести его через низкую дверь, потом один присел, второй поднял свой край, и картина наконец оказалась внутри.

На ней был двор после дождя. Не богатый и не особенно красивый: крыльцо, бочка под желобом, бельё на верёвке. Я узнала знакомое движение света по мокрым камням и задержалась перед полотном дольше, чем собиралась.

— Это Сарен Лейт, — сказала Алеста. — Он живёт за красильным двором. Днём красит двери, вечером пишет.

Один из юношей смущённо поправил чехол. Он оказался художником. Я назвала себя, сказала, что мне нравится бочка; прозвучало неловко, но он посмотрел на картину и начал рассказывать, как трижды менял край отражения, потому что вода всё время получалась похожей на железо.

Алеста отошла отвечать помощнице. Мы остались перед холстом вдвоём. Сарен показал место, которое считал неудачным, потом замолчал, словно пожалел, что сам научил меня его замечать. Я сказала, что во дворе моей мастерской свет ложится почти так же, только камни темнее. Он попросил разрешения когда-нибудь прийти посмотреть.

Я согласилась. Потом достала прибор, и разговор вернулся к работе. Окна действительно давали достаточно дневного света для зарядки; вечерняя нагрузка была короткой, два-три часа. Два фонаря можно было разместить так, чтобы не светить в глаза посетителям и не перегревать близкое дерево. Проблема оказалась лишь в нише: туда требовалась отдельная отражающая пластина, которую не стоило крепить к старой штукатурке.

Алеста принесла мне воды. Мы сели на скамью у стены, пока я записывала размеры.

— Я могу закрыть нишу до следующего месяца, — сказала она. — Оставить там рисунки, которые смотрят днём. Главное — большой зал.

Я посмотрела на два отмеченных места и почувствовала, что начинаю хотеть эту работу. Не только денег. Мне нравилась комната, картины, возможность сделать свет, под которым люди задержатся вечером возле чужого рисунка. После зимы, когда почти каждый прибор приходилось объяснять через опасность, было приятно думать о том, как белая ткань сохранит цвет.

— Я дам вам ответ завтра утром, — сказала я.

Алеста кивнула, но спросила, можно ли рассчитывать хотя бы на один фонарь. Я покачала головой: один оставлял вторую половину зала слишком тёмной, и посетители снова понесли бы туда свечи. Она выслушала, убрала рисунок и впервые за весь разговор заметно расстроилась.

— Я уже заказала приглашения. Думала, дело только в цене.

Я не стала объяснять ей про лечебницу. У неё была собственная работа и обещания, которые она дала людям. Проход с носилками не делал её выставку ненужной.

На обратной дороге я зашла в лавку готовых приборов. Там оставались две лампы другой мастерской, с более холодным светом и тяжёлыми стеклянными колпаками. Их можно было взять напрокат на неделю, но хозяин требовал залог, почти равный цене. Я попросила записать

условия на отдельном листе. Он удивился, что я не торгуюсь за себя, затем поставил дату и подпись.

***

Лисандра ждала меня ближе к вечеру. Я принесла обе сметы, рисунок прохода и маленькую дощечку с образцом крепления. Тарна в фонде не было. Вместо него пришла Риана, которой удалось оставить отделение на час.

Мы разложили бумаги. Два новых фонаря закрывали поворот и спуск, третий из ремонтных деталей — место ожидания возле стены. Но третий нельзя было выдавать за новое изделие: его стекло потребовало бы замены раньше, а остаток запаса я ещё не проверила за несколько пасмурных дней. Я предложила поставить два постоянных прибора и оставить у дежурной переносной для дальнего участка, пока не станет возможен полный монтаж.

Лисандра считала молча. Она передвигала листы, сравнивала мои строки с прошлым расчётом, иногда делала отметку на полях. Риана сидела у окна и всё время поглядывала на часы.

— Вы увеличили оплату подготовки, — сказала Лисандра.

— В старой смете не было крепления на стене. Скамью нельзя перекрывать растяжкой. Осмотр Каста это не включал.

— Материал тот же?

— Да. Меняется работа и место проверки.

Лисандра сложила пальцы на краю стола. Она не отказывала, но я видела, что свободных денег у неё тоже нет. Мне хотелось сказать о галерее, объяснить, сколько я потеряю, если буду ждать ещё неделю. Я удержала эту реплику только потому, что она прозвучала бы угрозой, которой я пока не решила следовать.

Риана поднялась, подошла к рисунку и показала дальний угол.

— Здесь дежурный может пока выходить с лампой. Я поговорю с Тарном. Но поворот нам нужен до конца недели. Вчера опять не разошлись с тележкой.

— До конца недели мы не закончим проверку, — сказала я. — Во вторник следующей могу обещать монтаж, если сегодня согласуем работу. Раньше дам только новое крепление и оставлю временный знак.

— Во вторник вас ещё не будет в дороге?

— Я перенесу выезд на день, если понадобится закончить. Но не буду назначать сдачу на утро перед обозом.

Лисандра посмотрела на меня, потом на Риану.

— Два изделия по семьдесят. Подготовка отдельно, по этому листу. Половину за изделия выдадим завтра, подготовку после осмотра креплений. На шесть договор сейчас не подписываем.

Я взяла перо. В договоре появился новый срок, и рядом с ним — обязательство, от которого уже нельзя было отойти, когда принесут более удобную работу. Я подписала свою фамилию и почувствовала облегчение, за которым почти сразу пришло сожаление о галерее.

Риана торопилась. У двери она взяла меня за локоть и сказала спасибо, потом отпустила, не заставляя отвечать. Лисандра осталась собирать документы. Я попросила свою копию сразу, чтобы не возвращаться ещё раз, и мы несколько минут ждали, пока секретарь просушит чернила.

За это время я успела представить, как завтра скажу Алесте, что не возьмусь. Она не будет знать, как долго я сидела в фонде и выбирала. Услышит только отказ после того, как показала мне зал и приготовила место для моих фонарей.

***

Алесте я написала вечером, но утром всё равно пошла сама. Она прочитала письмо при мне, сложила и положила рядом с приглашениями. На столе стояла чашка с остывшим чаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.